

№ 29. Томъ II.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 21 Іюля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи:
улица, домъ № 11.

Годъ VII.

Въ Новой Гвинее.

Изъ путешествія Люи Трегана. Переводъ Н. М. Поль.
(Продолженіе.)

Глава XIV.

Прежде всего нашъ предводитель послалъ лазутчиковъ узнать, свободенъ ли проходъ Монакимъ. Они возвратились съ извѣстіемъ, что правитель Уараты завладѣлъ имъ и охраняетъ его опытными войсками. Тогда-то увидѣли, но слишкомъ поздно, какъ благоразумнѣе былъ совѣтъ, которымъ пренебрегли. Отчаяніе овладѣло всѣмъ Кутаромъ. Нападеніе на измѣнника казалось теперь невозможнымъ, такъ какъ закрылся проходъ, соединявшій обѣ части королевства. Что было дѣлать?

Я былъ убѣжденъ, по внѣшнему виду горной цѣпи, къ которой принадлежалъ пикъ Тонаворку, что на югъ отъ него существуетъ проходъ, ведущій въ Уарату. Я предложилъ отыскать его и отправился на поиски въ сопровожденіи Ланна и 12 человекъ, что дало мнѣ возможность изслѣдовать еще другую часть Папуазіи. 6 дней мы карабкались по горамъ, не открывъ ничего, и на послѣдкѣ пришли къ такому крутому склону, что идти по немъ далѣе было невозможно. Мы спустились въ равнину, которую примѣтили еще издали, и тамъ, на территоріи Хокси, встрѣтили племя, враждебное орангокамъ. Нашъ маленькій отрядъ не могъ бы силою добиться пропуска, по этому мы спрятались на день, а ночью намъ удалось пройти, не возбудивъ вниманія нашихъ спящихъ враговъ. Черезъ полдня пути, мы пришли къ берегу широкой рѣки, которая текла на югъ. Я назвалъ ее Тонаворку и сталъ отыскивать бродъ, по которому мы могли перейти ее, но вскорѣ замѣтилъ, что напрасно теряю время отыскивая небывалый бродъ. Не-

смотря на это, рѣшившись идти впередъ во что бы то ни стало, я вѣхалъ съ лошадей въ рѣку и когда она перестала доставать дно, спустился съ нея и ухватился за хвостъ, выплылъ съ нея на противоположный берегъ. Мои товарищи во-

Я былъ убѣжденъ, что цѣль экспедиціи достигнута мною и что менѣе чѣмъ черезъ 6 дней пути мы будемъ въ Уаратѣ. Мы отправились въ дальнѣйшій путь и очень обрадовались, увидѣвъ на третій день вечеромъ, вершину вулкана Тонаворку, которымъ я любовался во время перваго путешествія моего въ Уарату.

Ланна раздѣлялъ теперь вполне мое убѣжденіе, что, поднявшись на эту часть цѣпи Тонаворку, мы придемъ къ Ирфаку и, слѣдуя по берегу, достигнемъ Уараты. Мы немедленно вернулись въ Кутаръ, гдѣ принесенная нами вѣсть была встрѣчена общою радостью. Мы пробыли въ отсутствіи всего 16 дней. Въ собраніи поо было рѣшено, что предпріятіе представляетъ достаточно шансовъ для успѣха и значительный отрядъ около 2,000 чел. былъ снова ввѣренъ маститому поо. Въ награду за сдѣланное нами открытіе, Ланна и я были назначены начальниками и на этотъ разъ мы раздѣляли съ поо отвѣтственность и управленіе экспедиціей. Мы шли тѣмъ же путемъ, что и 3 недѣли тому назадъ, и на этотъ разъ я имѣлъ болѣе досуга для изученія страны. Великолѣпные плоды росли въ лѣсахъ, изобиловавшихъ дичью, что было кстати, такъ какъ орангоки, которые ни разу еще не предпринимали такого далекаго похода, не имѣли никакого понятія, какъ продовольствовать войско и мы бы рисковали умереть голодною смертію, если бы сама природа не позаботилась о нашихъ нуждахъ. Изъ животныхъ чаще всего встрѣчались антилопы, буйволы, бизоны, лоси, тигры и кенгуру, которыхъ туземцы звали донъ-донъ. Ланна спросилъ, видаль-ли я ихъ прежде, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, подвелъ меня къ дереву и обратилъ мое вниманіе на звѣрка, похожаго на кенгуру, только меньше, который съ ловкостью

НАРОДНЫЕ ТИПЫ И СЦЕНЫ.

Китайскія непромокаемыя пальто.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

образили, что я потерялъ рассудокъ, видя, какъ я бросился въ Тонаворку. Убѣдясь, что я остался здоровъ и невредимъ, они закричали отъ радости и, смѣло послѣдовавъ моему примѣру, очутились вскорѣ рядомъ со мною.

обезьяны перепрыгивали съ одной вѣтки на другую, доставая листья, служившіе ему пищей. Впоследствии, я замѣтилъ, что эти странныя, маленькія четвероногія также многочисленны въ Новой Гвинее, какъ и яркоперенные онанко.

На седьмой день мы прибыли въ сторону хокски. Они поджидали насъ у подошвы горы, выстроившись въ боевомъ порядкѣ и на нашу попытку парламентировать отвѣчали градомъ стрѣлъ, которыя, къ счастью, пролетѣли у насъ надъ головою, не сдѣлавъ намъ никакого вреда. Положение становилось затруднительнымъ. Мы дождались наступленія ночи и, посоветовавшись, рѣшились воспользоваться темнотою, чтобы спуститься въ равнину. Въ 3 часа утра мы начали приводить въ исполненіе планъ, руководясь только блѣднымъ свѣтомъ звѣздъ и останавливаясь почти на каждомъ шагу вследствие безпрестаннаго паденія солдатъ. Въ 5 часовъ мы были уже на непріятельской территоріи, раздѣляясь на 3 колонны, готовыя принять бой. Наше появленіе, впрочемъ, не устрашило враговъ; съ громкими криками, размахивая съ вызывающимъ видомъ своими копьями, они подошли къ намъ приблизительно на 100 метровъ и пустили въ насъ стрѣлы, сдѣлавшія намъ мало вреда, потому что непріятели наши цѣпились плохо. Перейдя въ свою очередь въ наступленіе, мы бросились съ копьями на враговъ, но встрѣтили мужественное сопротивление. Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ огромнымъ негромъ, который силится отнять у меня копьё, но я, спрыгнувъ съ лошади, ударилъ его саблею, не выпуская изъ рукъ копьё. Я долженъ сознаться, что прыжокъ не былъ высокимъ, такъ какъ сидя на самой большой орангонокской лошади, я почти доставалъ ногами до земли. Дикарь ловко увернулся, ударъ сабли пришелся по копьё, которое переломилось на двое, остріе осталось въ рукахъ у негра и онъ бросился съ нимъ на меня. Къ счастью, я когда-то бралъ уроки фектованія; противникъ мой былъ храбръ и по крайней мѣрѣ одной силы со мною, но мнѣ все-таки удалось побороть его.

Сраженіе продолжалось около часа и непріятель, отступивъ, оставилъ на полѣ битвы 50 убитыхъ и много раненыхъ. Нѣкоторые изъ нашихъ также пали и мы уже съ ужасомъ предвидѣли необходимость съ оружіемъ въ рукахъ очистить себѣ дорогу въ Уарату, когда предводители хокски явились съ предложеніемъ мира и свободнаго прохода чрезъ ихъ территорію вплоть до рѣки Тонаворку. Мы посѣпили принять ихъ предложенія и приглашенія остаться у нихъ до слѣдующаго дня; они нанесли намъ жизненныхъ припасовъ, ухаживали за нашими ранеными и даже развлекали насъ танцами.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, мы направились къ рѣкѣ, причемъ нашими проводниками служили предводители хокски. Мы сочли полезнымъ ихъ присутствіе для того, чтобы сдерживать ихъ племя, если бы оно вздумало напасть на насъ хитростью, но, дойдя до берега Тонаворку, возвратили имъ свободу, размѣнявшись дружественными обѣщаніями. Увы! хокски показались орангокамъ менѣе опасными, чѣмъ воды Тонаворку. Напрасно, я и Ланна бросались вилавъ, чтобы подать имъ примѣръ, напрасно нѣсколько смѣльчаковъ послѣдовали за нами, большинство отряда оставалось какъ вкопанное на берегу, и я боялся, что намъ придется вступить въ Уарату, только съ половиною войска. Наконецъ, послѣ цѣлаго дня увѣщаній и колебаній, мы все собрались на противоположномъ берегу.

По трудности перехода черезъ Тонаворку мы съ Ланной поняли, что будемъ непременно побѣждены на берегахъ Ирфака, если правитель Уараты помѣшаетъ нашей переправѣ. Мы рѣшились идти форсированнымъ маршемъ, чтобы достигнуть цѣли нашей экспедиціи прежде, чѣмъ уз-

наютъ о нашемъ приближеніи, и наши маленькія лошади оказались такими легкими и быстрыми, что въ 4 дня мы добрались до Ирфака. На берегахъ его царствовала глубокая тишина, можно было подумать, что находишься въ необитаемой странѣ. Мы посѣпили воспользоваться этою неожиданною удачею и немедленно переправились; теперь до города было близко. Мы послали ночью лазутчика къ городу. Онъ явился на разсвѣтѣ, съ вѣстью, что не сдѣлано никакихъ приготовленій къ защитѣ. Ободренные этою увѣренностью, мы тотчасъ же выступили и въ 9 часовъ утра прибыли въ Уарату. Горожане не любили правителя; увидѣвъ насъ, они заперлись въ домахъ и пропустили насъ по узкимъ улицамъ до самаго дворца, гдѣ произошла небольшая стычка. Войска правителя были убѣждены, что мы прошли проходомъ Монакимъ и что влѣдъ за нами идетъ все войско Кутара. Они оказали самое незначительное сопротивленіе, и мы могли захватить измѣнника, котораго немедленно отослали въ Кутаръ обыкновенною дорогою; войско, защищавшее ее, положило оружіе, увидѣвъ въ плѣну своего предводителя.

Правитель Уараты судился въ Кутарѣ и по приговору привязать его къ дереву и умерить голодною смертью,—той самой казнью, которой онъ подвергъ много орангонокъ! Будь онъ такъ же уменъ, какъ жаденъ, никогда бы городъ Уарата не былъ взятъ и на западномъ склонѣ Тонаворку образовалось бы новое, могущественное государство.

Глава XV.

Я посѣпили вернуться въ Кутаръ, гдѣ меня ожидала милая Лямлямъ. Во время моего отсутствія, съ разрѣшенія короля, Кайгаръ построилъ для меня трехъ-этажный домъ, окруженный верандами. Совѣтъ поо согласился на мою женитьбу съ условіемъ, что я приму обычаи орангонокъ, на что я не колеблясь согласился. Я отправился къ верховному жрецу орангонокъ, Уанутѣ, который сказалъ мнѣ, что я пробуду у него цѣлую недѣлю и онъ сдѣлаетъ мою кожу такого же цвѣта, какъ и у моей будущей жены. Каждый день Уанута намазывалъ мнѣ тѣло какими-то растительными веществами, а на восьмой день, съ головы до ногъ, закуталъ меня въ тунку, какую носили все туземцы, но до того грязную, что мнѣ понадобилось много силы воли, чтобы рѣшиться надѣть ее. Самъ же верховный жрецъ одѣлся въ великолѣпное платье, украшенное золотомъ, а помощники его, одѣтые почти также богато, отвели меня къ источнику, протекавшему среди рощей, посвященныхъ Отару. Тамъ собралась многочисленная толпа мужчинъ и женщинъ, и какъ только я показался, забили барабаны и все туземные музыканты принялись наперерывъ извлекать мелодическіе звуки изъ своихъ инструментовъ. Шумъ этотъ прекратился при появленіи верховнаго жреца. Онъ всталъ возлѣ меня и проговорилъ длинную молитву Отару. Каждый разъ, когда произносилось это священное имя, все присутствующіе падали ницъ, повторяя его по себѣ.

Это было въ первый разъ, что я присутствовалъ при религиозной церемоніи у орангонокъ. Въ Ражекѣ суевѣрные каски, собирались для обращенія къ Отару, когда этого требовали интересы племени; въ Уаратѣ я не видѣлъ ни одного жреца и ни въ Кутарѣ, ни въ Ражекѣ никогда не слышалъ, чтобы кто-нибудь молился. Уанута, обративъ глаза къ солнцу, простеръ обѣ руки надъ колѣнопреклоненной толпой. Въ эту минуту два жреца вошли въ ручей и верховный жрецъ, взявъ меня за руки подвелъ къ нимъ, напѣвая гимнъ, который вся толпа повторила хоромъ. Внезапно оба помощника Уануты схватили и погрузили меня нѣсколько разъ въ ручей; при каждомъ погруженіи толпа повторяла все

громче и громче хоровое пѣніе. Наконецъ, въ послѣдній разъ меня такъ долго продержали подъ водою, что отирательное платье свалилось съ меня и я вышелъ изъ воды, голый и почти такого же оливковаго цвѣта, какъ любой красавецъ-орангонокъ. Толпа разразилась восторженными криками и припала лицомъ къ землѣ. Жрецъ запѣлъ новый гимнъ и пока толпа повторила его, на меня надѣли обычную одежду начальниковъ третьяго разряда.

Церемонія кончилась, я сталъ орангонокомъ и все присутствующіе начальники окружили меня со своими женами и поздравляли со вступленіемъ въ ихъ среду.

На слѣдующій день король принялъ меня и вручилъ мнѣ саблю. Я надѣялся, что настало уже время жениться на Лямлямъ, и умолялъ отца ея не откладывать долѣе нашего брака. Увы! пришлось ожидать еще 15 дней, такъ какъ дозволялось вступать въ бракъ только во время полнолунія. Эти 15 дней тянулись очень медленно: наконецъ насталъ канунъ моей свадьбы и я спрашивалъ себя мысленно, какія еще испытанія предстоятъ мнѣ, когда ко мнѣ привели невольника, требуя, чтобы я положилъ руку на его голову, въ доказательство, что онъ принадлежитъ мнѣ. Я спросилъ, зачѣмъ, и мнѣ объяснили, что его должны принести въ жертву Отару для испосланія мнѣ счастья. На мой отказъ подчиниться этому обычаю, мнѣ отвѣчали, что этого требуетъ законъ, что иногда приносятъ въ жертву до 6 невольниковъ, ради благополучія новобрачныхъ и что если я не дамъ согласія на смерть этого несчастнаго, который дрожалъ у моихъ ногъ, Лямлямъ принуждена будетъ исполнить это за меня. Я далъ себѣ слово, чтобы то ни стало спасти несчастнаго и побѣждалъ растолковать Кайгару, что если бѣлый согласится на убійство раба, его Богъ повелѣваетъ немедленно повѣсить на деревѣ и оставить его тѣло въ добычу червямъ, Кайгаръ колебался: онъ повелъ меня къ Уанутѣ, къ которому я обратился съ тѣмъ же аргументомъ, но съ меньшимъ успѣхомъ. Я объявилъ ему тогда, что покажу слова, сказанныя моимъ Богомъ, вынулъ Библию изъ кармана, показалъ ему и прочелъ громко слѣдующее мѣсто изъ книги Бытія: «Кто убьетъ человѣка, смертію да умретъ», которое я перевелъ: «кто убьетъ невольника, да будетъ повѣшенъ на деревѣ и станеть добычею червей». Верховный жрецъ, послѣ долгихъ споровъ, согласился, чтобы невольникъ былъ отданъ въ полное мое распоряженіе, съ условіемъ, что онъ дастъ принести себя въ жертву, какъ только я этого пожелаю.

Я провелъ ночь въ шалашѣ, тщательно скрытомъ между деревьями въ рощѣ, посвященной Отару. Какъ только солнце показалось на горизонтѣ, Уанута запѣлъ гимнъ и продолжалъ его, пока барабанный бой не возвѣтилъ прибытію моей невесты, ея отца и друзей. Верховный жрецъ подвелъ Лямлямъ къ жертвеннику; она расprostерлась на священной землѣ и надъ нею пропѣли нѣсколько священныхъ словъ. Затѣмъ ее отвели въ рощу и она стала бѣгать по ней въ сопровожденіи молодыхъ дѣвушекъ, которыя помогали ей искать ея мужа. Разумѣется, она не нашла меня, такъ какъ ей не позволили подойти къ шалашу, гдѣ я былъ спрятанъ, и она должна была снова вернуться къ жертвеннику, говоря, что не можетъ найти Трегана, и умоляя Отару возвратитъ его. Тогда жрецы потребовали у нея подарки и, получивъ ихъ, запѣли снова гимнъ, прерванный появленіемъ Лямлямъ. Потомъ меня вывели и вмѣстѣ съ моею женою посадили въ коробку, въ родѣ паланкина, который подняли на плечи носильщики и мы отправились въ путь при звукахъ отчаянной музыки, менѣе оглушительной впрочемъ, чѣмъ крики толпы, вы-

ражавшей свою радость визгомъ и воемъ. Черезъ полчаса, весь этотъ гамъ прекратился; мы при-
были въ Кутаръ. Толпа сопровождала насъ до
тѣхъ поръ, пока паланкинъ не поставили на зем-
лю, снова приподняли, какъ будто втаскивая на
лѣстницу и наконецъ установили на ровномъ
мѣстѣ. Я услышалъ удаляющіеся шаги; Лямлямъ
пешнула мнѣ, что мы дома; я вышелъ изъ па-
ланкина и очутился въ третьемъ этажѣ нашего
дома.

Мы оставались безвыходно дома впродолже-
ніи цѣлой недѣли, такъ какъ выйти раньше счи-
талось неприличіемъ; а по истеченіи этого сро-
ка должны были снова подвергнуться кошачьей
музыкѣ. Это служило знакомъ нашего вступле-
нія въ свѣтъ и намъ пришлось, къ величайшему
моему неудовольствію, принять участіе въ рядѣ
пировъ и празднествъ, данныхъ въ нашу честь.

(Продолженіе будетъ.)

Музыка.

Стихотв. Кн. Дм. Голицына.

Дайте услышать мнѣ дивные звуки
Музыки чудной;
Ей утоляются тяжкія муки
Горькой и трудной
Жизни, въ которой одни лишь страданья,
Вздохи и слѣзы;
Гдѣ не сбываются наши желанья,
Чудныя грѣзы;
Гдѣ безпокойной души угѣшенья
Рѣды, немноги;
Гдѣ остаются намъ только мученья,
Сердца тревоги.
Дайте послушать, какъ сладостно стонуть
Арфа и лира:
Въ звукахъ чудесныхъ блѣднѣютъ и тонуть
Горести міра.

Сонъ Алойуса.

Разсказъ Эрмана-Шатриана, переводъ М. Г. Минуть.

адобно вамъ сказать, что
меня окрестили въ честь
св. Алойуса и когда насту-
паетъ этотъ день, я его
провожаю съ моими прияте-
лями: Фрицомъ, Никлосомъ
и Людвигомъ, въ «Золотомъ
Львѣ». Мы болтаемъ о раз-
ныхъ разностяхъ, о дождѣ,
о хорошей погодѣ, о невѣстахъ, о счастьи быть
холостякомъ и т. д. Мы попиваемъ бѣлое вино,
а вечеромъ честнымъ образомъ расходимся по
домамъ, благодаря Творца за его неизрѣченныя
милости. Каждый изъ насъ празднуетъ точно
также день своего ангела и такимъ образомъ,
вмѣсто одного праздника у насъ выходитъ ихъ
нѣсколько; по это не ведемъ по сердцу, бабье
поднимаютъ сodomъ, когда приходишь домой
позже одиннадцати часовъ. Я-то жаловаться не-
могу, у меня одна бабушка Анна; она немного
глуха и когда заснетъ, то хоть обворуй весь
домъ, садъ и виноградникъ, она не шевельнется,
какъ пень. Это, положимъ, не бѣда, но иногда
бываетъ неудобно. Разъ, луннымъ вечеромъ я
возвращаюсь домой и нахожу дверь назапорѣ: я
зову, кричу, стучу; милая бабушка, должно быть,
спитъ спокойно. Слышу, другіе ужъ достучались
у своихъ дверей; имъ отперли, а я все жду.
Становилось свѣжо и я говорилъ себѣ: «Ну,
Алойусъ, если тебя застигнетъ туманъ, да зало-
житъ уши, какъ нашему дьячку, когда онъ разъ
започевалъ въ крапивѣ, и не услышишь даже
церковнаго звона во всю жизнь, берегись весен-
няя роса очень вредна».

Я долженъ былъ направить свои стопы къ са-
раю, перелѣзъ черезъ плетень и очутился на

дворѣ. Хочу отворить дверь риги, заперта! иду
въ давилню, заперто! толкнулъ дверь въ закуту,
также заперто! Луна свѣтила полнымъ блескомъ
и, казалось, насмѣхалась надо мной. Мое при-
ключеніе начинало меня сердить. Я понатужился,
загородка закуты подалась, я влѣзъ и забрался
въ ясли, засунулъ ворохъ соломы подъ голову и,
благодаря Бога, заснулъ.

Только что я задремалъ, какъ мнѣ приснился
удивительный сонъ. Вижу я, будто мы съ Ник-
лосомъ, Людвигомъ и Фрицомъ пьемъ мартовское
пиво на колокольнѣ. Мы сидѣли на лавкахъ,
передъ нами стоялъ боченокъ съ пивомъ, а по-
номаръ Брейтштейнъ позванивалъ ключами и
иногда дергалъ за веревку колокола вмѣсто му-
зыки. Все было прекрасно,—но становилось не-
много жарко. Мы хотимъ сойти внизъ, каждый
взялъ свою кружку, но мы не видимъ лѣстницы!
Мы бѣгаемъ взадъ и впередъ и наконецъ начи-
наемъ кричать внизъ народу: «Свяжите нѣсколько
лѣстницъ вмѣстѣ!» Надъ нами всё смѣются и
никто не двигается съ мѣста. Тутъ же видимъ мы
и школьнаго учителя Пфейфера въ парикѣ съ
краснымъ хвостикомъ и патера Тони съ греб-
никомъ подъ мышкой; и они тоже смѣялись.
Вотъ Людвигъ и говоритъ: «Надо же отыскать
лѣстницу!» А Брейтштейнъ отвѣчалъ: «Это Богъ
на васъ прогнѣвался за то, что вы не уважили
святого мѣста».

Мы просто помѣшались какъ тѣ несчастные,
которые строили вавилонскую башню,—у всѣхъ
у насъ была одна мысль. «Мы изморимся въ ко-
нецъ, потому что боченокъ пустъ; намъ остает-
ся ожидать, чтобы кто-нибудь скалился надъ
нами».

Наконецъ Никлосъ, наскучивши слушать наши
предположенія, застегнулъ доверху свое платье,
сдвинулъ на затылокъ треуголку и сѣлъ верхомъ
на свою бутылку говоря: «Чудаки, вы все еще
затрудняетесь, дѣлайте, какъ я!» Въ это мгнове-
ніе онъ перешагнулъ черезъ рѣшетку и прыгнулъ
съ колокольни. Насъ подрали морозъ по кожѣ,
а Фрицъ закричалъ: «Онъ разобьется въ прахъ!»

Но вотъ Никлосъ взлетѣлъ снова на верхъ,
какъ всплываетъ пробка на поверхность воды;
лицо его было красно и глаза вытаращены. Онъ
уцѣпился за рѣшетку и зоветъ насъ:

— Ну же, слѣзайте, видите, какъ это просто!

— Да, ладно, говорю ему я, — ты лазай себѣ
сколько хочешь, ты самъ знаешь, что ты бре-
дишь, между тѣмъ, какъ мы видимъ всю деревню,
общинное правленіе и гнѣздо аистовъ, и площадь,
и фонтанъ, и улицу, полную народа, на насъ гла-
зѣющаго. Во снѣ-то не хитро летать вверхъ и
внизъ, какъ птица!

— Ну! вскричалъ Никлосъ, хватая меня за
воротъ,—слѣзай!

Я на самомъ краю рѣшотки, Никлосъ тянетъ
меня внизъ, церковь мнѣ кажется ужасъ какъ
высока, она колеблется... Я зову на помощь.
Брейтштейнъ звонитъ, какъ по покойникѣ, со
всѣхъ щелей вылетаютъ вороны, надо мной про-
летѣлъ аистъ съ вытянутой шеей и съ лщерицей
въ клювѣ. Я цѣплялся за рѣшотку съ отчаяніемъ
погибающаго; вдругъ я чувствую, что Людвигъ
беретъ меня за ноги и приподнимаетъ; Никлосъ
охватилъ мою шею; тутъ я перевѣшиваюсь за
рѣшетку и лечу, вопя: «Господи, помилуй! Господи
Боже мой!»

Мнѣ подтянуло страшно животно и я проснулся.
Я былъ ни живъ, ни мертвъ. Открываю глаза,
смотрю: сквозь затворы свѣтитъ день, лучъ
солнца, какъ пламя, проникаетъ въ закуту и я
подумалъ: «Милосердный Боже, это былъ сонъ!»
Мысль эта оживила меня; я поправилъ солому,
чтобы лечь повыше, и вытеръ съ лица холод-
ный потъ.

Было, должно быть, часа три утра, солнце всхо-
дило за цвѣтущими яблонями, я его не видѣлъ, но

чувствовалъ его; я смотрѣлъ и слушалъ въ глу-
бокомъ молчаніи и мечталъ. Мнѣ все было мило:
и соломенки, которыя свѣшивались съ балки, и
паутина въ углахъ, и волосатая морда моего Ши-
меля, которую онъ частенько наклонялъ ко мнѣ
и при этомъ пресмѣшно щурилъ глаза, и старая
коза Карлота, съ своей тонкой шеей, съ малень-
кой рыжеватой бородкой, и козленокъ, пріютив-
шійся у ея сосцовъ. Меня умиляла даже пыль,
которая трепетала въ золотыхъ лучахъ солнца,
и огромная глиняная чашка, наполненная мар-
ковью для кроликовъ. Я думалъ: «Какъ тутъ все
хорошо, какъ тепло и какъ мой бѣдный Шимель
жуется всю ночь отаву, а старушка Карлота
смотритъ на меня своими усталыми глазами! Что
ни говорите, а пріятно имѣть такой хлѣвъ». Вотъ
и сверчокъ затрещалъ... Эге, да вотъ и кроличья
матка вылѣзаетъ изъ за загородки и преумори-
тельно насторожила уши. Я не шевел-
лился. Черезъ минуту она вспрыгнула и вытя-
нула свои длинныя заднія ноги; она подвинулась
подъ лучи солнца и слегка подпрыгивала, такъ
что вся ея шерсть свѣтилась. Потомъ вылѣзъ
старый кроликъ отецъ, черный съ рыжеватымъ
отливомъ, съ желтыми бакенбардами, съ внуши-
тельной важностью; а за нимъ выскочили и ма-
лютки, сперва одинъ, потомъ другой, а тамъ и
вся семья, ушки у нихъ на спинѣ и хвостъ тру-
бой. Они окружили чашку и ушки у нихъ заше-
велились; они глодали, грызли; маленькіе едва
могли протискаться. А на дворѣ пѣлъ пѣтухъ,
курицы кудахтали, жаворонки звенѣли въ воз-
духѣ, и щеленки просыпались въ гнѣздахъ, прію-
тившись въ моемъ виноградникѣ, и малиновки
въ живой изгороди сада, все ожило, все зашло!
Слышно было, какъ щеглята пищали въ гнѣздахъ,
должно быть, просили пищи, а въ небесахъ пѣли
ихъ отцы, должно быть, для того, чтобы поддер-
жать ихъ терпѣніе.

«Господи, сколько дивнаго на свѣтѣ, чего мы
не видимъ, когда не думаемъ объ истинной жизни».

«Ну, думалъ я, Алойусъ, счастливъ ты, что ты
живъ, самъ Богъ спасъ тебя, потому что вѣдь
легко могло статься, что с нѣ обратился бы въ
дѣйствительность!»

Размышляя объ этомъ, я умилялся въ душѣ, я
думалъ: «Однако, вотъ уже мнѣ тридцать два года,
а я такъ болтаюсь на свѣтѣ, ни себѣ, ни людямъ.
Праздновать именины еще не Богъ знаетъ какая
заслуга, да и это становится скучнымъ и одно-
образнымъ. И какъ обрадуется бѣдная старушка
бабушка, когда увидитъ внучатъ. Боже великій!
кажется, въ красивыхъ дѣвушкахъ недостатка
нѣтъ, а лучше всѣхъ Сюзель Ребъ, вотъ ужъ
настоящая красавица, румяная, голубоглазая,
свѣжая, какъ вишня. А какъ она была рада, что я
съ ней танцовалъ на вечеринкѣ у стараго
Цимера, какъ она опралаась на мою руку! Да,
Сюзель очень мила и я увѣренъ, что она бы
мнѣ отперла дверь, какъ бы поздно я ни при-
шелъ; она не допустила бы, чтобы я почевалъ
въ ригѣ, какъ это сдѣлала бабушка. Она не глу-
хая, она бы услышала мой стукъ!»

Я взглянулъ на стараго кролика; онъ, каза-
лось, былъ очень счастливъ въ своей семьѣ; глаза
у него свѣтились, какъ звѣздочки; онъ почесы-
валъ лапкой мордочку и весело встряхивалъ
ушами. Я подумалъ: «Вѣдь не захочу же я похо-
дить на моего стараго Шимеля, вѣдь не про-
живу же я одинъ на бѣломъ свѣтѣ, когда вонъ
даже и кроликъ величается своими дѣтенышами.
Нѣтъ, такъ дѣло не можетъ оставаться.—Сюзель
въ самомъ дѣлѣ добрая дѣвушка!»

Тутъ я вылѣзъ изъ яслей, отчистилъ соломенки
съ платья и сказалъ себѣ: «Надо положить этому
конецъ! У меня будетъ женка, она мнѣ отворитъ
двери, хоть и покричитъ немного, ну, да это все-
таки пріятнѣе, нежели проспать въ ясляхъ и
видѣть воснѣ, какъ летишь съ колокольни. Пе-

ремѣню бѣлье, надѣну голубой камзолъ и въ путь. Пусть мой родъ не угасаетъ».

Вотъ о чемъ я думалъ. И я поступилъ такъ, какъ говорилъ. Въ этотъ же день я пошелъ къ старому Ребу и посваталъ Сюзель. Батюшки свѣты, какъ мы всѣ были рады, и я, и Сюзель, и старый отецъ, и бабушка! Вѣдь стоитъ только собраться съ духомъ и все пойдетъ, какъ по маслу.

Послѣ завтра мы будемъ справлять свадьбу въ «Золотомъ Львѣ»; будемъ пѣть, плясать, пить старое рейнское вино и, Богъ не безъ милости, когда на будущую весну жаворонки выведутъ своихъ птенцовъ, въ моемъ гнѣздышкѣ тоже будетъ пичужка; хорошенькій маленькій Алойусъ; онъ протянетъ свои розовыя ручки, какъ крылышки, а Сюзель будетъ его кормить, какъ птичку. А я, какъ старый воробей, буду пѣть имъ пѣсенки.

Изобрѣтенія и открытія.

(Ст. Л. М. Невольскаго.)

(Окончаніе.)

Аговоривъ о телеграфѣ, кстати будетъ познакомиться читателей съ новинками телеграфнаго дѣла. Въ Парижѣ недавно введена пневматическая система передачи депешъ, дѣйствующая весьма успешно и позволяющая понизить телеграфную таксу до 50 сантимовъ (15 коп.) за произвольное число словъ на открытомъ бланкѣ и до 75 сантим., (22½ к.) — на бланкѣ закрытомъ. Явилось даже предположеніе о преимуществѣ пневматическаго телеграфа надъ электрическимъ, что весьма вѣроятно для небольшихъ разстояній. Что касается подземныхъ телеграфовъ то сѣтъ ихъ особенно развивается въ Германіи и Англіи; въ послѣдней длина подземной телеграфной сѣти достигаетъ 2,000 географ. миль. Впрочемъ, теперь поднялись голоса противъ пригодности этихъ телеграфовъ, ибо хотя подземные телеграфы не боятся бурь, снѣговъ и болѣе гарантированы отъ злоумышленной порчи, но постройка ихъ обходится въ 3—4 раза дороже постройки обыкновенныхъ телеграфовъ, а проводимость тока во столько же разъ слабѣетъ. Резиновая муфта, служащая для изоляціи проводника, подвергается порчѣ отъ мышей и даже имѣетъ специальныхъ враговъ въ лицѣ насѣкомаго *Tempeletonia crystallina* и особаго рода гриба. Эти недостатки подземныхъ телеграфовъ ищется устранить Давидъ Бруксъ изъ Филадельфіи, изобрѣтатель патентованнаго изолятора для подземныхъ телеграфныхъ проводниковъ. Бруксъ обергиваетъ проволоку бумажными нитями и сплетаетъ въ канатъ по 50 проволокъ и болѣе, а затѣмъ всю такую систему укладываетъ въ трубы. Роль изолятора играетъ нефть, заливаемая въ трубы уже послѣ ихъ укладки.

Подводные, дорогостоящіе кабели тоже имѣютъ своихъ враговъ. Журналъ «L'Electricité» приводитъ интересныя объясненія довольно частой порчи и прорывовъ кабелей. Микроскопическое животное *Limmaria terebrans* разрушаетъ гуттаперчевую оболочку кабелей, но въ большинствѣ случаевъ виновниками являются подводные злоумышленники весьма почтенныхъ размѣровъ. Кабель изъ Кайены въ Пара былъ прорванъ громадными рыбами, слѣды зубовъ которыхъ остались уликой на изолирующей оболочкѣ. Пиларба зачастую пробуетъ годность своего страш-

наго оружія на кабеляхъ Антильскаго моря. Морскимъ черепахамъ заблагоразудилось испортить Гаванскій кабель, и кабель Персидскаго залива разорванъ на двое неосторожнымъ китомъ, который, по всей вѣроятности, вздумалъ игнорировать это препятствіе или же вовсе не замѣтилъ его, за что и поплатился жизнью, такъ какъ, запутавшись въ оборванномъ канатѣ, онъ въ цвѣтѣ лѣтъ окончилъ свою жизнь. Молнія дважды повреждала телеграфный кабель Средиземнаго моря, въ другихъ мѣстахъ разрывъ кабеля обуславливался силою морскихъ теченій или собственною тяжестью кабеля, свѣшивавшагося надъ подводными пропастями. Наконецъ, не менѣе опасными являются подводныя вулканическія изверженія и землетрясенія. Ясно, что устранить воздѣйствіе послѣдней группы причинъ, наука оказывается безсильной; но посягательства обитателей подводнаго міра можно отчасти парализовать измѣненіемъ вещества, предохраняющаго подводныя телеграфныя проводники, хотя, впрочемъ, доказано, что примѣсь ядовитыхъ ве-

паровыхъ лошадей. По мнѣнію референта, опыты удались въ совершенствѣ.

Слѣдуетъ предполагать, что лошади не особенно огорчатся этою замѣной и гораздо болѣе будутъ въ претензіи на электричество за то, что оно явилось орудіемъ, парализующимъ слишкомъ рѣзкое проявленіе правдивной индивидуальности нѣкоторыхъ лошадей, норомъ которыхъ зачастую освобождалъ ихъ отъ всякой работы. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій французскаго земледѣльческаго общества, Белла сообщила, что лошади съ норомомъ, кусающіяся, лягающіяся, беспокойныя, дѣлаются вполне послушными и позволяютъ запрягать себя, лишь только пропустить чрезъ ротъ лошади слабый электрическій токъ при каждомъ проявленіи порова. Токъ получается при посредствѣ маленькой индуктивной машинки системы Кларка, проволоки отъ которой идутъ къ удиламъ. Способъ этотъ уже предлагался на парижской выставкѣ прошлаго года и въ шведскомъ отдѣлѣ выставки можно было видѣть специальный для этого приборъ. Въ случаѣ надобности, стоитъ лишь пожать особую пуговку и самый своеобразный Буцефалъ дѣлается тише воды, ниже травы. При томъ же, способъ этотъ немучителенъ для животнаго и ужъ во всякомъ случаѣ человѣчнѣе другихъ, употребляемыхъ до сихъ поръ способовъ укрощенія лошадей, въ особенности варварскаго шпиванія дратвой вѣвъ у своеобразныхъ лошадей и тому подобныхъ жестокостей.

Изъ повостей въ области физиологіи заслуживаютъ вниманія опыты Юнга относительно вліянія различныхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра на развитіе животнаго. Для своихъ экспериментовъ Юнгъ бралъ икру обыкновенной лягушки (*Rana temporaria* и *R. esculenta*), икру форели и яички болотной улитки (*Limnaea stagnalis*). Вотъ выводы этихъ интересныхъ опытовъ: 1) различные цвѣтовые лучи спектра весьма различно вліяютъ на развитіе яичекъ помпупутыхъ животнаго; 2) фіолетовые лучи ускоряютъ развитіе; затѣмъ по силѣ слѣдуютъ голубой, желтый и бѣлый цвѣтъ; 3) красные и зеленые лучи оказываются вредными и, повидному, совершенно парализуютъ развитіе яичекъ; 4) темнота способствуетъ опаздыванію развитія; 5) головастики, лишеныя пищи, скорѣе умираютъ въ фіолетовыхъ и голубыхъ лучахъ спектра и 6) смертность, повидному, больше въ цвѣтныхъ лучахъ, чѣмъ въ бѣлыхъ.

Насколько важно участіе свѣта въ нормальномъ развитіи организма можно видѣть на лошадяхъ, родившихся въ коняхъ.

Такъ какъ въ глубокихъ бельгійскихъ коняхъ взрослыя лошади не выносятъ непривычной обстановки, а потребность въ рабочей силѣ лошадей весьма обширна, то стали опускать въ копи беременныхъ кобылъ въ надеждѣ, что родившіяся подъ землей жеребята освоятся съ измѣненными условіями ихъ жизни. Опыты удались вполне, но перемѣна обстановки обусловила нѣкоторую метаморфозу въ организмѣ лошади. Во 1) онѣ не доразвиваются до нормальныхъ размѣровъ; во 2) глаза ихъ приспособляются къ темнотѣ и въ 3) шерсть родившихся въ коняхъ лошадей получаетъ видъ плюша и весьма напоминаетъ шерсть крота. Будучи извлечены на поверхность земли, такія лошади сначала бывають ослѣплены лучами солнца, но затѣмъ проявляютъ самую живую радость.

Къ этой же области фактовъ, доказывающихъ приспособленіе организмозовъ къ измѣнившимся условіямъ жизни, слѣдуетъ отнести случаи, когда травоядное животное, подлѣ вліяніемъ извѣстныхъ условій, дѣлается плотояднымъ. Извѣстно, что

(Къ ст. Сонъ Алойуса.) — Ну! вскричалъ Никлосъ, хватая меня за воротъ, — слѣзай.

цествъ къ гуттаперчѣ, покрывающей проволоку, оказывалась до сихъ поръ безрезультатной.

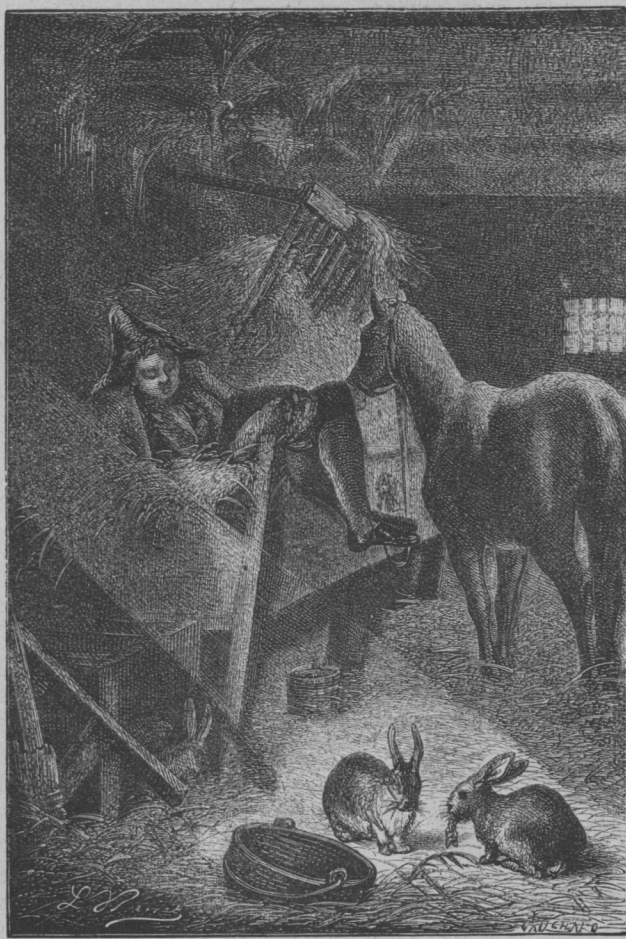
Въ засѣданіи парижской академіи наукъ, 26 мая, Трескѣ давалъ отчетъ въ видѣнныхъ имъ въ сахароварнѣ Сермезъ, въ департаментѣ Марны, опытахъ наханія, при чемъ двигателемъ было электричество. Магнито-электрическая машина Грама приводилась въ движеніе паровымъ двигателемъ и дѣлала 1200 оборотовъ въ минуту. Развивающійся токъ, по силетеному изъ 9 мѣдныхъ проволокъ канату, передавался на разстояніи 400 метровъ къ телѣжкѣ, откуда посредствомъ коммутатора, обращался къ другой такой же телѣжкѣ, расположенной еще на 250 метровъ дальше. На обѣихъ телѣжкахъ, по мѣрѣ надобности, токъ приводилъ въ движеніе валы машинокъ Грама и этимъ движеніемъ, посредствомъ другого механизма, вращался барабанъ діаметромъ въ 1 метръ, на который былъ накрученъ металлическій канатикъ діаметромъ въ 12 миллиметровъ, тащившій двойной брабантскій плугъ. Произведенная работа равнялась силѣ 3

на крайнемъ сѣверѣ, за недостаткомъ сѣна и другихъ растительныхъ продуктовъ, лошади и коровы зимой питаются сушеною рыбою. Наши одичавшіе петербургскіе голуби съ жадностью глотаютъ куски мяса и жира, выбрасываемые для нихъ мясниками, и сами садятся на возы съ прирезанными мясными тушами. Въ настоящее время къ этимъ извѣстнымъ уже фактамъ прибавляетъ еще одинъ, опубликованный Аргайлемъ въ англійскомъ журналѣ «Nature». Нѣкто Пайкъ въ Глендарри, на западномъ берегу Ирландіи, имѣетъ самку обыкновеннаго орла (Aquila chrysaetos), втянутую еще птенцомъ и прожившую въ клеткѣ уже 25 лѣтъ. Птица эта весной 1877 года положила 3 яйца, которыя были затѣмъ подмѣнены двумя гусиными яйцами. Орлица высидѣла двое гусятъ, изъ которыхъ одинъ околѣлъ. Оставшійся гусянокъ сначала не оказывалъ желанія питаться мясомъ, такъ что его принуждены были кормить соответствующей пищей; впоследствии, однакожь, онъ нашелъ возможнымъ измѣнить традиціямъ своихъ лапчатыхъ предковъ. Когда орлицѣ давали пищу, она рѣзкимъ крикомъ звала своего пріемыша и тотъ, опрометью бросаясь уписывать куски мяса, заботливо разрываемого для него орлицей. Аргайль, провѣрившій лично этотъ замѣчательный фактъ, рассказываетъ, что послѣ гусыни, имѣвшая уже годъ отъ роду, устроила себѣ гнѣздо въ клеткѣ орлицы, положила туда 11 яицъ и пасивала ихъ, чередуясь съ орлицей. Пайкъ, однакожь, предупредилъ высиживание птенцовъ, опасаясь весьма возможныхъ столкновеній между гусыней и орлицей, связанныхъ узами самой тѣсной дружбы.

Взключеніе—пѣчто невѣроятное: Газета «Отголоски» сообщаетъ въ «хроникѣ открытій и изобрѣтеній», объ одномъ замѣчательномъ открытій, сдѣланномъ въ области физиологій, пѣкомъ Ротюра въ Сидней: «Его имя уже связано съ изслѣдованіями по ботаникѣ и естественной исторіи Южной Америки; помощникомъ же его является г. Джемсъ Грантъ, долго работавшій надъ изученіемъ и практическимъ приложеніемъ различныхъ способовъ охлажденія. Мѣсяцевъ 5 тому назадъ Ротюра обратился къ Гранту съ просьбою оказать ему свое содѣйствіе относительно изобрѣтеннаго имъ особаго способа перевозки животныхъ въ Европу живыми. Ротюра заявилъ, что онъ открылъ въ Южной Америкѣ растительный ядъ, имѣющій свойство приостанавливать жизненные отправленія; обмирание, достигаемое этимъ способомъ, продолжается до того времени, пока введеніе другого растительнаго вещества не заставляетъ кровь возобновить ея прерванное сообщеніе, а сердце — его обычныя функціи. Прекращеніе жизни до такой степени полно, что Ротюра замѣтилъ въ жаркомъ климатѣ признаки разложенія на оконечностяхъ членовъ, послѣ того, какъ эта мнимая смерть продолжалась цѣлую недѣлю. Поэтому ему пришла мысль, что если помѣститъ какое либо тѣло, приведенное въ состояніе инерціи, въ температуру достаточно низкую, чтобы остановить разложеніе, то обмирание можетъ быть продолжено втеченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, быть можетъ, даже втеченіи цѣлыхъ годовъ. Изобрѣтатель откровенно сознался, что не дѣлалъ опытовъ сохраненія тканей посредствомъ холода и что поэтому не можетъ высказать никакого мнѣнія о тѣхъ результатахъ, которые могъ бы дать такой способъ въ ту минуту, когда обмершее животное должно быть опять возвращено къ жизни.

«Грантъ сначала выражалъ сомнѣніе; но мало по малу онъ началъ интересоваться сдѣланнымъ

ему предложеніемъ и наконецъ выказалъ живѣйшее любопытство видѣть опытъ надъ его собственною собакою. Ротюра выринулъ собаку двѣ капли жидкости, смѣшанной съ глицериномъ, черезъ легкій уколъ, сдѣланный въ ухѣ. Черезъ 3 или 4 минуты животное упало въ состояніи совершенной оконечности; лапы были вытянуты, глаза широко раскрыты, зрачки чрезвычайно расширены—все симптомы представляли полную аналогію съ отравленіемъ посредствомъ стрихнина, съ тою только разницею, что животное не испытывало ни конвульсій, ни боли. Ротюра поднялъ животное и положилъ его на полку, прося Гранта оставить собаку въ такомъ положеніи до 10 часовъ слѣдующаго дня, и обѣщая снова возвратитъ ее къ жизни, несмотря на то, что она казалась совершенно мертвою. Втеченіи всего дня и всей ночи Грантъ безпрестанно осматривалъ собаку, жизнь которой повидимому прекратилась совершенно. Ни въ пульсѣ, ни въ сердцѣ, незамѣтно было ни малѣйшаго движенія, которое позволило бы надѣяться на возможность возвра-

(Къ ст. Сонъ Алойуса.) Потомъ выльзъ старый кроликъ.

щенія жизни. Втеченіи первыхъ часовъ температура тѣла мало по малу упала на 25 градусовъ (по Фаренгейту) ниже нормальной температуры крови. На слѣдующее утро тѣло было также холодно, какъ оно обыкновенно бываетъ у мертвыхъ.

Въ 10 часовъ явился Ротюра. Онъ потребовалъ тазъ съ теплою водою и положилъ въ него голову собаки. На возраженія Гранта, Ротюра отвѣтилъ, что такъ какъ жизнь остается прерванной, до употребленія противоядія, то въ легкія не можетъ проникнуть ни одной капли воды; погруженіе же тѣла въ теплую воду имѣетъ единственною цѣлью привести кровь къ естественной температурѣ. Черезъ 20 минутъ собаку вынули изъ воды и черезъ уколъ въ шею выринута была другая жидкость. По словамъ Гранта, оживленіе животного было самымъ поразительнымъ зрѣлищемъ, которое ему случилось видѣть до той поры. Возвращеніе жизни выразилось прежде всего въ глазахъ; потомъ черезъ 5½ минутъ собака начала дышать и оконеч-

ность членовъ прекратилась; по прошествіи еще нѣсколькихъ минутъ, она начала шевелить хвостомъ, потомъ медленно поднялась, потянулась и начала ходить, какъ будто съ ней ничего не произошло.

«Съ этого мгновенія Грантъ убѣдился, что открытіе Ротюра можетъ повести къ необычайнымъ послѣдствіямъ...»

Какъ хорошо иногда временно изъять себя изъ обращенія до дней болѣе радостныхъ...

Фридрихъ Шопенъ.

Ст. П. В. Га—на.

(Продолженіе.)

Отецъ композитора, Николай Шопенъ, прибылъ въ 1787 г., изъ бывшаго герцогства лотарингскаго, семнадцатилѣтнимъ юношей въ Варшаву, по приглашенію вліятельной, въ то время, г-жи Лачинской, домашнимъ учителемъ къ ея дѣтямъ. Вскорѣ онъ усвоилъ польскую рѣчь, безъ которой ему невозможно было сближеніе съ окружающимъ его польскимъ обществомъ. Проживъ почти шесть лѣтъ въ Варшавѣ, онъ считалъ уже Польшу своимъ вторымъ отечествомъ, будучи вполне доволенъ положеніемъ въ семьѣ своихъ учениковъ, съ которыми пришлось ему разстаться съ отъѣздомъ ихъ родителей во Францію, въ 1793 году. Тогда Шопенъ рѣшился оставить Польшу и вернуться къ своимъ роднымъ; но серьезная болѣзнь удержала его въ Варшавѣ. Въ 1794 г. онъ вступилъ въ ряды защитниковъ Польши, въ національную гвардію, гдѣ и дослужился до чина капитана. Съ паденіемъ Варшавы, взятой Суворовымъ, отецъ Фридриха Шопена рѣшился вернуться во Францію, по вторичная опасная болѣзнь удержала его снова въ Варшавѣ, гдѣ онъ и содержалъ себя, пѣсколько лѣтъ, уроками французскаго языка. Потомъ онъ поступилъ учителемъ въ домъ графини Скарбекъ, жившей въ городѣ Куявы и тамъ познакомился съ дѣвицею Юстиною Крижановскою, на которой и женился въ 1806 году. Три дочери и сынъ Фридрихъ, родившійся 1-го марта 1809 года, въ усадьбѣ графа, въ шести миляхъ отъ Варшавы, составляли семью Шопена. Будущій композиторъ былъ младшій въ семьѣ; графъ Фридрихъ Скарбекъ былъ его крестнымъ отцомъ, въ честь котораго и крестникъ получилъ имя Фридриха. Когда, на основаніи Тильзитскаго мира съ Наполеономъ I, было образовано великое герцогство Варшавское, тогда въ числѣ многихъ другихъ и Николай Шопенъ переѣхалъ съ семей-

ствомъ въ Варшаву, гдѣ и получилъ кафедру французскаго языка во вновь основанномъ тогда лицейѣ, въ которомъ и обучалъ втеченіи двадцати одного года, т. е. до самаго его закрытія въ 1832 г. и, кромѣ того, въ артиллерійскомъ училищѣ занималъ ту же кафедру съ 1812 года. Съ закрытіемъ лицея и училища, Николай Шопенъ былъ приглашенъ въ число членовъ экзаменнаго комитета, для испытанія желавшихъ получить званіе учителя среднихъ учебныхъ заведеній, а впоследствии онъ былъ профессоромъ въ духовной римско-католической академіи. Усиленные занятія по преподаванію разстроили наконецъ его здоровье и онъ вынужденъ былъ оставить общественную дѣятельность и, получивъ пенсіонъ, занялся воспитаніемъ сверстниковъ своего сына, сыновей лучшихъ польскихъ фамилій, охотно отдававшихъ своихъ дѣтей въ его семью, зная образцовую честность и благородный его характеръ. Такимъ образомъ, Фридрихъ Шопенъ въ своемъ отрочествѣ былъ окруженъ сверстниками лучшихъ фамилій своей родины, пока не умеръ

его отецъ, семидесяти четырехъ лѣтъ, въ 1844 году. Мать Фридриха была замѣчательная, по своимъ достоинствамъ, женщина. Она дѣлила радости и горе съ мужемъ своимъ; не знала чувства гордости вслѣдствіе успѣховъ въ музыкальномъ мѣрѣ ея сына; перенесла съ рѣдкой покорностью и смиреніемъ тяжелыя потери мужа, двухъ дочерей, старшей, уже замужней, и младшей четырнадцати лѣтъ, и наконецъ, единственнаго и горячо любимого сына, съ которымъ не могла даже быть въ послѣднія минуты его жизни.

Вторая сестра Фридриха, Изабелла, жена бывшаго инспектора училищъ, Бардинскаго, а въ настоящее время директора пароходства по Вислѣ, живетъ и теперь въ Варшавѣ. Мать же ея, жившая у ней послѣ смерти своего мужа, скончалась 1-го октября 1861 года.

Съ первыхъ лѣтъ дѣтства, музыка производила на Шопена сильное впечатленіе; онъ не могъ удержаться отъ слезъ, когда слышалъ ее. Онъ самъ просилъ родителей, чтобы дали ему возможность учиться игрѣ на фортепьяно, которое онъ предпочиталъ другимъ инструментамъ. Лучшій, въ то время, въ Варшавѣ пѣвистъ, Альбертъ Живны, былъ первымъ учителемъ Шопена. На второй годъ ученья, онъ уже импровизировалъ и, не умѣя выразить вѣрно свои мысли нотами, просилъ учителя записывать ихъ, чтобы со временемъ имѣть возможность исправить свои первыя сочиненія. Черезъ два, три года ученья, Шопень сдѣлалъ такіе успѣхи, что въ Варшавѣ съ удивленіемъ говорили о его необыкновенномъ талантѣ. На девятомъ году своего возраста, Шопень игралъ уже въ концертѣ въ пользу бѣдныхъ города Варшавы, 24 февраля 1818 года, и привелъ слушателей въ восторгъ. Всѣ представители аристократіи начали приглашать юнаго пѣвиста къ себѣ; назовемъ только князей Чарторижскаго, Салігу, Четвертинскаго, Любецкаго, Радзивила; графовъ Скарбека, Волицкаго, Гуссажевскаго, Лемпицкаго. Княгиня Четвертинская ввела Шопена въ салонъ княгини Ловичъ, супруги великаго князя Константина Павловича, также офинившаго его необыкновенный талантъ. Первыми сочиненіями Шопена были полонезы, мазурки и вальсы; наконецъ ему удалось написать маршъ, который онъ и посвятилъ великому князю, милостиво принявшему десятилѣтняго композитора и съ удовольствіемъ прослушавшаго маршъ сыграный Шопеномъ. Маршъ этотъ такъ понравился великому князю, что онъ приказалъ инструментировать его для оркестра, и во время парадовъ, играть его для церемональнаго марша въ войскахъ. Необыкновенная способность Шопена къ сочиненіямъ, побудила его отца пригласить другаго учителя для обученія мальчика законамъ гармоніи, но съ условіемъ, чтобы занятія эти не мѣшали сыну готовиться къ поступленію въ варшавскій лицей. Тогда родители Шопена еще и не думали объ артистической карьерѣ сына. Одинъ изъ друзей отца, Эльснеръ, директоръ консерваторіи и композиторъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ оперъ и мелодрамъ, трехъ симфоній и нѣсколькихъ струнныхъ квартетовъ, былъ приглашонъ для обученія контра-пункту Шопена. Отношенія ученика къ учителю были и остались до кончины перваго самыми дружескими. Когда близкіе къ Шопену говорили Эльснеру, что ученикъ его не подчиняется принятымъ правиламъ, и увлекается собственной фантазіей, то почтенный директоръ консерваторіи отвѣчалъ:

— Оставьте его въ покоѣ; Шопень не идетъ обыкновеннымъ путемъ потому, что обладаетъ самымъ необыкновеннымъ дарованіемъ. Онъ не придерживается строго старинныхъ правилъ, за то у него есть свои, собственныя, и они доставятъ его сочиненіямъ такую оригинальность и красоту, которыхъ еще не было до него у другихъ.

Пророчество Эльснера вполне сбылось впо-

слѣдствіи, и счастье, что такой учитель былъ у Шопена и, не стѣняя его педантизмомъ, давалъ возможность свободно развернуться его таланту.

Въ 1824 году Фридрихъ Шопень поступилъ въ четвертый классъ лицея, гдѣ и кончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Къ рисованію и къ поэзіи онъ имѣлъ также большія способности. Пятнадцати лѣтъ онъ написалъ въ стихахъ комедію «Заблужденіе» или «Хитрый обманщикъ», которую и разыгралъ съ своими сестрами въ главныхъ роляхъ, въ день именинъ своего отца. Рисовать карикатуры былъ онъ также большой мастеръ. Какъ-то разъ тетрадь съ его рисунками на учителей и директора лицея попала въ руки воспитателя, который предъявилъ ее директору Линде; послѣдній отнесся какъ нельзя болѣе гуманно и, возвращая Шопену его карикатуры, сказалъ: «ваши рисунки дѣйствительно хороши». Въ канікулярное время, живя въ деревнѣ Шафарни, у пріятеля своего отца, Шопень издавалъ небольшую газету, по образцу газеты «Варшавскій курьеръ», подъ названіемъ «Курьеръ Шафарскій», въ которой онъ и былъ единственнымъ сотрудникомъ, замѣняя ею переписку съ друзьями и сообщая въ ней о жизни въ деревнѣ и о музыкальныхъ пѣсахъ, играныхъ Писономъ (Pichon), какъ онъ называлъ себя.

Изъ многихъ его дѣтскихъ шутокъ, приведемъ одну. Однажды, вечеромъ, въ отсутствіе отца Шопена, пансіонеры послѣдняго затѣяли какую-то ссору и подняли такой крикъ въ залѣ, что находившійся при нихъ учитель, не въ состояніи былъ успокоить ихъ. На шумъ прибѣжалъ Фридрихъ и объявилъ молодежи, что онъ сыграетъ имъ интересную импровизацію, если они обѣщаютъ прекратить ссору. Какъ только Шопень сѣлъ за рояль, мальчики пресмирѣли. Фридрихъ потушилъ свѣчи и предварительно рассказалъ имъ содержаніе своей импровизаціи. Онъ объявилъ, что разбойники подкрался къ дому по лѣстницамъ, приставленнымъ къ окнамъ, вошли къ нимъ въ залу, но испугались, увидя въ немъ столько людей, и убѣжали въ темный лѣсъ, гдѣ и заснули при свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ. Играя все нѣжнѣе и тише, какъ бы желая усыпить своихъ слушателей, Шопень убѣдился, наконецъ, что всѣ они дѣйствительно заснули. Тогда выйдя тихонько изъ залы, онъ пригласилъ свою мать и сестеръ слѣдовать за нимъ со свѣчами. Можно вообразить ихъ удивленіе при видѣ спящихъ шалуновъ; чтобы разбудить ихъ, Шопень взялъ нѣсколько громкихъ, оглушительныхъ аккордовъ, отъ которыхъ заснувшіе проснулись и, вскочивъ съ своихъ мѣстъ, не понимали, что съ ними случилось. Общій смѣхъ семьи Шопена заключилъ эту музыкальную шалость юнаго импровизатора. Вообще слѣдуетъ сказать, что когда жившіе у старика Шопена воспитанники, сверстники его сына, переходили границу дозволенныхъ шалостей и подымали сильный шумъ, то стоило Фридриху сѣсть за фортепьяно, чтобы возстановить тишину и порядокъ.

Несмотря на легкость, съ какою владѣлъ Шопень даромъ импровизаціи, онъ чрезвычайно старательно разработывалъ пьесы, назначенныя къ печати. Иногда какая-нибудь музыкальная мысль занимала его до того, что онъ избѣгалъ общества и уединялся, пока не овладѣвалъ окончательно тѣмъ, что занимало его. Нерѣдко, просыпаясь по ночамъ, онъ садился за фортепьяно, стоявшее въ его спальнѣ, и бралъ нѣсколько аккордовъ, желая развить музыкальную мысль, или выразить ее гармоничнѣе. Какъ скоро ему удавалось это, онъ снова ложился въ постель, и такъ случалось, иногда, по нѣскольку разъ втеченіи ночи. Домашняя прислуга, не понимая настоящей причины подобной отрывочной игры ночью, считала его сумасшедшимъ. Во время загородныхъ прогулокъ и во время лѣтнихъ каникулъ, Шопень внима-

тельно прислушивался къ пѣснямъ косарей и народа, а также и къ игрѣ странствующихъ музыкантовъ. Онъ находилъ наслажденіе, сохранивъ въ памяти слышанныя мелодіи, передавать и разработывать ихъ на своемъ любимомъ инструментѣ.

— Кто творецъ этихъ прелестныхъ мелодій, слышанныхъ въ мазуркѣ или краковякѣ? спрашивалъ себя Шопень.— Кто учитъ этихъ крестьянъ такъ вѣрно пѣть и играть на скрипкѣ?

И когда онъ обращался за отвѣтомъ къ другимъ, то никто не давалъ ему яснаго объясненія. Впослѣдствіи уже Шопень самъ говорилъ, что какъ мелодія, такъ и слова, въ большинствѣ случаевъ, составляютъ произведеніе многихъ людей. Такъ одинъ поетъ отъ избытка чувствъ, не учась и не зная музыки; другой, услышавъ такую пѣсню, измѣняетъ въ ней кое-что, улучшаетъ; такъ переходитъ пѣсня изъ устъ въ уста, пока не сдѣлается народнымъ достояніемъ. Глубоко сочувствуя красотамъ мелодій народныхъ пѣсень, Шопень нерѣдко включалъ ихъ въ свои позднѣйшія сочиненія и придавалъ имъ особенно прелестный колоритъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(Продолженіе.)

XI.

МИНУСИНСКІЕ ТАТАРЫ.

въ Сибири, и въ европейской Россіи есть не мало инородческихъ племенъ, которыя представляя собою, если можно такъ выразиться, обрывки болѣе многочисленныхъ племенъ, живущихъ отдѣльно отъ нихъ, самъ по себѣ почти вовсе не

имѣютъ этнографическаго интереса. Таковы, напр., татары тобольской и томской губерній, съ ихъ магометанской культурой, благодаря которой, они почти ничѣмъ не отличаются отъ какинъ-нибудь рязанскихъ или казанскихъ татаръ. Совершенно иначе, чѣмъ къ нимъ, должна отнестись этнографія къ небольшому племени татаръ минусинскаго округа. Правда, и въ общественномъ бытѣ этихъ скотоводовъ мы не найдемъ ничего оригинальнаго, что существенно отличало бы ихъ отъ какинъ-нибудь якутовъ или бурятъ, но за то ихъ вѣрованія и особенно произведенія ихъ народной поэзіи могутъ дать намъ чрезвычайно интересные матеріалы для сужденія о томъ, чѣмъ былъ татарскій народъ въ древности, за долго до распространенія въ немъ магометанства. Минусинскіе татары—такіе же шаманисты, какъ буряты, и кромѣ различныхъ именъ ихъ божествъ, религій этихъ двухъ племенъ ничѣмъ существеннымъ не отличаются другъ отъ друга, но за то эти татары имѣютъ множество эпическихъ сказаній, превосходно рисующихъ и ихъ вѣрованія, и ихъ древній бытъ. Я могъ бы, какъ это дѣлаютъ присяжные этнографы, описать подробно весь нарядъ минусинской татарки, начиная отъ головного убора и кончая мѣховыми овчинными панталонами, рассказать о способѣ приготовленія кумыса, о свадебныхъ обрядахъ и т. д., но полагаю, что доставлю болѣе удовольствія, если вмѣсто всѣхъ этихъ скучныхъ подробностей передамъ содержаніе одного отрывка изъ народнаго эпоса этихъ татаръ.

Подъ высокой горой, на бѣломъ морѣ, стоялъ улусъ, а степь кишѣла людьми и скотомъ. Этимъ улусомъ владѣлъ богатырь Кулатъ-Миргенъ, женою его звали Кубагенъ, и была у нихъ дочь Кубайко, да сынъ Комдей-Миргенъ. Дочери было 5 лѣтъ, а сыну 3 года. Однажды утромъ Кулатъ-

Миргенъ встаетъ, одѣвается, сѣдаетъ своего коня и садится на него. «Куда ѣдешь ты, могучій богатырь», спрашиваетъ его жена. Старикъ отвѣчаетъ: «Нашей дочери вотъ уже 5 лѣтъ и все это время я не видѣлъ своего скота; пора же и сосчитать его; моему сыну 3 года и все это время я не видѣлъ своего народа, поѣду посмотрѣть на него». Онъ поѣхалъ открытою степью и, поднявшись на высокую гору, посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ множество своего народа и свои богатые стада. «Сколько народа и сколько скота далъ мнѣ Богъ», сказалъ онъ. «Хозяинъ, Кулатъ-Миргенъ, проговорилъ ему конь, — есть богатыри гораздо богаче и сильнѣе тебя». На вопросъ, какіе и гдѣ, конь отвѣчалъ: «За девятью землями живеть богатырь Калангаръ-Тайджи, братъ его Катай-Ханъ и зять Сокай-Алтынъ. Сегодня прѣдетъ отъ нихъ гонецъ требовать отъ тебя дани». Кулатъ-Миргенъ, думая, что никогда въ жизни не будетъ онъ платить дани никакому хану, поѣхалъ обратно и вблизи своего дома увидѣлъ слѣды богатырскаго коня. Не слѣзая съ сѣдла, онъ вызвалъ своихъ сына и дочь и спросилъ, кто былъ въ улусѣ. Они отвѣчали: «Прѣзжалъ могучій богатырь Канъ-Миргенъ на рыжемъ конѣ, но кто онъ и откуда, мы не знаемъ. Онъ сказалъ, что два брата, Калангаръ-Тайджи и Катай-Ханъ и зять ихъ Сокай-Алтынъ требуютъ дань съ него, и онъ бѣгаетъ отъ нихъ 40 лѣтъ, такъ какъ не въ состояніи бороться съ такими сильными богатырями, но думаетъ, что въ союзѣ съ тобою онъ побѣдилъ бы ихъ. Уѣзжая, онъ не велѣлъ говорить, что былъ здѣсь, если явятся гонцы отъ братьевъ-богатырей». Услышавъ это, Кулатъ-Миргенъ сошелъ съ коня, но тотчасъ же явился гонецъ отъ богатырей-братьевъ и закричалъ такъ сильно, что Кулатъ-Миргенъ и конь его упали на землю. Гонецъ спросилъ, былъ ли здѣсь Канъ-Миргенъ; перепуганный Кулатъ-Миргенъ отвѣчалъ, что Канъ былъ безъ него, дѣти видѣли его и говорили съ нимъ. Потребовавъ, чтобы Кулатъ завтра же явился съ данью къ богатырямъ-братьямъ, гонецъ поскакалъ по слѣдамъ Канъ-Миргена. Войдя въ юрту, Кулатъ-Миргенъ началъ совѣтоваться съ женою о томъ, какого рода дань требуютъ богатыри, людьми, скотомъ или другимъ имуществомъ? «Поѣзжай завтра самъ къ нимъ и спроси, чего имъ нужно отъ тебя», сказала жена. Кулатъ поѣхалъ и на половинѣ дороги встрѣтилъ множество народа, несшаго дань братьямъ соболонными мѣхами. «У меня нѣтъ соболой, сказалъ Кулатъ, чтобы платить ими дань за свою голову, и я заплачу имъ своей головой». Подѣхавъ къ улусу богатырей-братьевъ, Кулатъ-Миргенъ началъ съ горы кричать имъ, что за неимѣніемъ соболой онъ отдаетъ свою голову. Но братья шировали и не слышали его голоса, тогда Кулатъ натянулъ лукъ, пустилъ стрѣлу и убилъ ихъ обоихъ. Зять ихъ Сокай-Алтынъ тотчасъ сѣлъ на своего коня, покрытаго пятнами, какъ тигръ, и поѣхалъ на Кулатъ-Миргена. Они сошли съ лошадей и стали бороться, боролись они цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ и, наконецъ, Сокай убилъ Кулата. Конь убитаго богатыря прибѣжалъ домой, гдѣ встрѣтили его вдова, сынъ и дочь и, ухватившись за шею его, начали плакать. Наконецъ, Комдей-Миргенъ сказалъ: «Слезамъ горю не можешь и я поѣду мстить за смерть отца». И онъ осѣдлавъ коня и поѣхалъ къ горѣ, на которой былъ убитъ его отецъ. Здѣсь онъ закричалъ богатырскимъ голосомъ: «Не хвались Сокай-Алтынъ, что ты убилъ отца моего». Услышавъ это, Сокай-Алтынъ немедленно поѣхалъ къ Комдей-Миргену на гору и предложилъ ему выбрать оружіе, которымъ они будутъ драться. Комдей-Миргенъ сказалъ, что онъ готовъ драться, чѣмъ угодно; Сокай выбралъ лукъ и оба богатыря разѣхались, ставъ каждый на высокой горѣ. Сокай кричитъ Комдею, чтобы онъ стрѣ-

лялъ первымъ, но Комдей отказывается; тогда Сокай, натянувъ свой лукъ, послалъ стрѣлу, но она пролетѣла мимо. Комдей натянулъ свой лукъ и едва лишь пустилъ стрѣлу, какъ Сокай-Алтынъ повалился мертвымъ на землю. Комдей-Миргенъ направился къ улусу, чтобы овладѣть всѣмъ имуществомъ Сокай-Алтына, но, увидѣвъ подъ горой черную лисицу, погнался за нею. По ея слѣдамъ онъ доѣхалъ до высокой крутой горы, лисица взбѣжала на нее, но конь богатыря поскользнулся и упалъ съ горы, при чемъ Комдей переломилъ себѣ ногу и остался лежать на землѣ. Вдругъ изъ земли вышелъ сорокорогіи быкъ, на которомъ сидѣлъ девятиголовый Джильбеганъ. Джильбеганъ отрубилъ голову богатырю и скрылся съ нею подъ землею, а конь побѣжалъ домой.

Когда мать и сестра увидѣли коня одного, безъ богатыря, то начали плакать и плакали 7 дней и 7 ночей. На 8-й день прекрасная Кубайко, одѣвшись въ свое лучшее платье, сѣла на братниаго коня и велѣла ему везти себя къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ убиты ея отецъ и братъ. Ыхала она между высокихъ горъ, видѣла широкое море и, прибывъ на гору, гдѣ убитъ ея отецъ, плакала надъ тѣломъ его 9 дней и 9 ночей. Затѣмъ, она поѣхала къ тѣлу брата и, увидѣвъ его обезглавленнымъ, спросила коня, что случилось съ головой его. Когда конь объяснилъ, что голову унесъ Джильбеганъ, она велѣла ему бѣжать въ догонку чудовища. По слѣдамъ Джильбегана она доѣхала до пещеры, чрезъ которую спустилась въ подземный міръ. Здѣсь встрѣтила она много чудесныхъ вещей. На дорогѣ видѣла 7 глиняныхъ кружекъ и старуху переливавшую молоко изъ одной кружки въ другую. Немного дальше, на песчаной равнинѣ, стояла привязанная лошадь, хотя не было кругомъ ни травы, ни воды, но лошадь была тучна и сильна. Дальше, на зеленомъ и орошенномъ водою лугу, стояла тощая и хилая лошадь. Въ одномъ мѣстѣ рѣка была запружена половинной человѣческаго тѣла, между тѣмъ, какъ въ другомъ мѣстѣ цѣлыя тѣла не могли запрудить подобной же рѣки. Полная ужаса, Кубайко прошла мимо всѣхъ этихъ предметовъ и встрѣтила дѣвушку, которая привѣтствовала ее и сказала, что она принадлежитъ землѣ, что у ней былъ братъ, Канъ-Миргенъ, котораго гонецъ отъ двухъ братьевъ-богатырей связалъ и увезъ къ Ирле-Ханамъ въ подземное царство. Этихъ Ирле-Хановъ 8, а 9-й атаманъ ихъ, который жжетъ огнемъ ея брата, чтобы видѣть, въ силахъ-ли она освободить его. Имя этой дѣвушки Канарко. Она пришла въ подземный міръ для спасенія своего брата, но когда достигла жилища Ирле-Хановъ, то услышала сильные удары молота, испугалась ихъ и рѣшилась возвратиться на бѣлый свѣтъ. Она дала Кубайко шелковый платокъ для передачи брату ея, Канъ-Миргену, чтобы онъ, если горитъ въ огнѣ, то обтиралъ этимъ платкомъ потъ. Дѣвушки разстались. Канарко вернулась на землю, а Кубайко все дальше и дальше проникла во внутренность подземнаго царства и встрѣтила чудеса, еще удивительнѣе прежнихъ. Удары молота слышались все сильнѣе и сильнѣе, и скоро Кубайко увидѣла, что 40 человекъ ковали, другіе 40 дѣлали пилы, а еще 40 готовляли клещи. Ыдучи по слѣдамъ Джильбегана, Кубайко прѣехала на берегъ рѣки, текшей при подножій высокой горы, на берегу этой рѣки стояло жилище Ирле-Хановъ, — каменный сорокаугольный домъ. Передъ входомъ въ него стояло 9 листовницъ, росшихъ на одномъ корнѣ. Къ одному изъ деревьевъ были привязаны лошади Ирле-Хановъ. Кубайко увидѣла на одномъ деревѣ слѣдующую надпись: «Когда Кудай сотворилъ небо и землю, тогда явилось и это дерево и до сихъ поръ, кромѣ Ирле-Хановъ, ни одинъ человѣкъ, ни одно животное не подходило живымъ къ этому дереву». Прочитавъ надпись и привязавъ къ де-

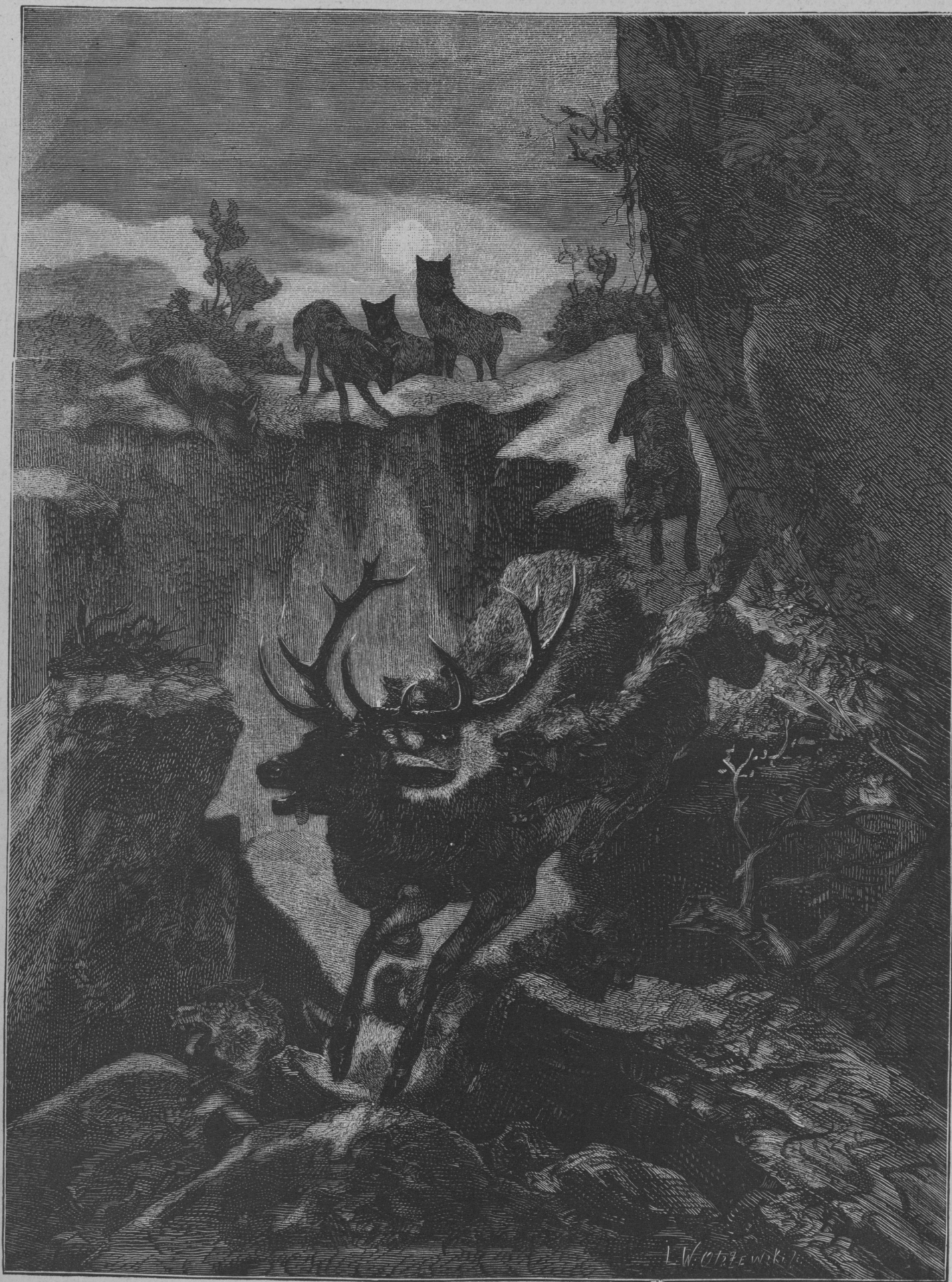
реву своего коня, Кубайко вошла въ жилище Ирле-Хановъ и затворила за собою дверь; внутри было темно и Кубайко заблудилась. Она почувствовала, что ее хватаютъ невидимыя руки, цѣпляются за ея платье, дергаютъ и терзаютъ ее. Она пыталась поймать своихъ мучителей — они не имѣли тѣла! Кубайко закричала, тогда отворилась дверь, просвѣтлѣло и вышелъ атаманъ Ирле-Ханъ. Онъ спасъ Кубайку и пошелъ назадъ, не говоря ни слова; дѣвушка слѣдовала за нимъ; она шла по многимъ покоямъ, которые были пусты и ждали обитателей; затѣмъ, шла она по другимъ наполненнымъ людьми покоемъ. Въ одномъ изъ нихъ сидѣли старухи и пряли ленъ; въ другомъ были тоже старухи, но онѣ ничего не дѣлали, а, казалось, хотѣли что-то проглотить, чего они не могли разжевать. Въ слѣдующемъ покоѣ сидѣли 4 женщины среднихъ лѣтъ, на шеѣ у нихъ были камни, которыхъ онѣ не могли пошевелить. 4-я комната была наполнена мужчинами, съ кольцами на шеѣ, на которыхъ висѣли огромныя деревья. Въ 5-мъ отдѣленіи Кубайко увидѣла прострѣленныхъ людей, вооруженныхъ стрѣлами и луками; они бѣжали съ крикомъ и воемъ. Та же бѣготня, тѣ же крики и вопли встрѣтили дѣвушку въ 6-мъ покоѣ, занятомъ мужчинами, которые ранили себя ножами. Вошедши въ 7-й покой, Кубайко увидѣла бѣшеную собаку и укушенныхъ ею людей, тоже бѣшенныхъ и разсвирѣбывшихъ. Въ 8-мъ отдѣленіи, мужъ и жена лежали подъ одѣяломъ, сдѣланнымъ только изъ одной шкуры, но тѣмъ не менѣе обѣ половины были покрыты. Затѣмъ Кубайко увидѣла въ 9-мъ отдѣленіи, что мужъ и жена лежали подъ одѣяломъ, сшитымъ хотя и изъ 9 овечьихъ шкуръ, но покрывшимъ только одну половину. Наконецъ, Кубайко вступила въ 10-е отдѣленіе, обширное, какъ степь. Здѣсь сидѣли 8 Ирле-Хановъ, къ которымъ присоединился и самъ атаманъ, шедшій съ Кубайко. Дѣвушка преклонилась передъ Ирле-Ханами и спросила, на какомъ основаніи подвластный имъ духъ Джильбеганъ отрубилъ и унесъ голову ея брата? Ирле-Ханы отвѣчали, что это сдѣлано по ихъ приказанію. Они согласились возвратить голову только въ томъ случаѣ, если Кубайко сможетъ вытащить изъ земли семипрогаго барана, такъ глубоко вросшаго въ землю, что виднѣлись одни рога. Предпріятіе было опасно и Ирле-Ханы говорили Кубайко, что она сама можетъ лишиться своей головы; но дѣвушка не испугалась и Ирле-Ханы пошли изъ покоя, взявши ее съ собою. Они вели ее черезъ 9 отдѣленій, наполненныхъ человѣческими тѣлами, въ числѣ которыхъ Кубайко увидѣла голову своего брата; она остановилась и заплакала. Но Ирле-Ханы повели ее въ 10-й покой, гдѣ былъ закопанъ баранъ. Здѣсь они велѣли Кубайко приступить къ дѣлу. Она принялась тащить барана и скоро взвалила его на свои плечи. Тогда Ирле-Ханы упали къ ногамъ Кубайко, отдали ей голову брата и проводили ее изъ своего жилища. На дорогѣ они спрашивали, не можетъ-ли она, столь сильная богатырша, дать имъ совѣтъ, какъ сжечь богатыря Канъ-Миргена, который давно уже горитъ въ огнѣ, но сгорѣть не можетъ. Кубайко захотѣла посмотреть его, и Ирле-Ханы повели ее снова черезъ 9 покоевъ, въ которыхъ ковали кузнецы; въ 10-мъ жарился Канъ-Миргенъ. Кубайко воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы передать богатырю платокъ отъ его сестры, и просила Ирле-Хановъ освободить Канъ-Миргена, потому что онъ человѣкъ хорошій и мучится невинно. Отсюда пошли они дальше и ханы проводили Кубайку до выхода изъ подземнаго міра. Дорогою, по просьбѣ дѣвушки, Ирле-Ханы объясняли ей чудеса своего царства. «Старуха, которая переливаетъ молоко изъ кружки въ кружку, угощала на землѣ своихъ гостей молокомъ, смѣшаннымъ съ водою; въ наказаніе за это

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ГРЕЙЛЯ.

„Наша-то уродина!“
Ръзалъ на деревѣ Брендамуръ.

Нападеніе враговъ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской полиграфіи».

она должна цѣлую вѣчность отдѣлять воду отъ молока. Половина тѣла, которымъ запружена рѣка, не теритъ наказанія; оно принадлежитъ мудрому человѣку, который могъ запруживать рѣки и исполнять все, что ни захотѣлъ. Половина трупа его лежитъ для напоминанія проходящимъ, что умный человѣкъ, лишившись даже своихъ членовъ, можетъ совершать великія дѣла своимъ разумомъ. Цѣлыя же тѣла, которыя не могли запружить рѣки, должны напоминать, что одною физическою силою, человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего. Эти тѣла принадлежали сильнымъ, но не умнымъ людямъ. Жирная лошадь на песчаномъ дугу, служить доказательствомъ, что предусмотрительный человѣкъ и при дурномъ пастбищѣ можетъ хорошо содержать лошадь; напротивъ, тощая лошадь на зеленомъ дугу, показываетъ, что животное и на хорошемъ пастбищѣ будетъ дурно, если оставлено безъ присмотра». Кубайко спросила: «Что за существа схватили меня въ темномъ покоѣ, драли мое платье, мучили меня и не имѣли тѣла?» Ирле-Ханы отвѣчали: «Это наши служебные невидимые духи, которые вредятъ злымъ и могутъ умертвить ихъ; отъ добрыхъ же людей они держатъ себя далеко и не могутъ причинить имъ никакого зла... Женщины, которыя прядутъ въ первой комнатѣ, осуждены за то, что пряди на землѣ послѣ солнечнаго захода, хотя и запрещено заниматься въ это время какою бы то ни было работою. Сидяція во второмъ отдѣленіи получали на землѣ нитки для наматыванья на клубки, но дѣлали клубки пустыми внутри и воровали пряжу. Теперь они осуждены мотать эти клубки, но такъ какъ это невозможно, то клубки будутъ вѣчно сидѣть въ ихъ горлѣ. Молодыя женщины, которыя сидятъ въ 3-мъ отдѣленіи съ камнями на шеѣ и рукахъ, клали камни въ масло, чтобы прибавить ему вѣсу. За это цѣлую вѣчность, они должны носить тяжелые камни. Мужчины съ кольцами на шеѣ повѣсились изъ-за пресыщенія жизнию. Прострѣленные мужчины, въ 5-мъ отдѣленіи, — самоубійцы; раненые мужчины въ 6-мъ — въ пьяномъ видѣ зарѣзались ножами. Обитатели 7-го покоя страдаютъ за то, что были неосторожны передъ бѣшенными собаками и укушены ими. Въ 8-мъ покоѣ лежатъ супруги, которые могутъ служить примѣромъ того, что и малымъ имѣніемъ будутъ довольны супруги, если только между ними будетъ миръ и согласіе. Въ 9-мъ же покоѣ лежатъ супруги, которые на землѣ жили несогласно и каждый старался только о своихъ выгодахъ; они осуждены вѣчно ссориться за одѣяло, которое при согласіи было бы болѣе, чѣмъ достаточно для обоихъ».

Выслушавъ все это, Кубайко простилась съ Ирле-Ханами и возвратилась съ головою своего брата на бѣлый свѣтъ. Она отыскала трупъ брата и начала плакать, что не можетъ возвратить ему жизни. Кудай сжалился надъ дѣвушкой и далъ ей живой воды. Кубайко всприснула этой водой трижды губы своего брата, — Комдей-Миргенъ ожилъ и получилъ прежнюю силу. Вдругъ Кубайко слышитъ топотъ богатырскаго коня, испугавшись, она превратилась въ ласточку и поднялась вверхъ, но увидѣвъ, что вновь прибывшій богатырь на рыжемъ конѣ обходитъ съ братомъ ея дружелюбно, спустилась къ нимъ. Богатырь этотъ былъ безродный Канна-Каласъ, который, узнавъ о смерти Комдея, явился, чтобы похоронить его тѣло. Комдей побратался съ Канна-Каласомъ. Кубайко спрашиваетъ Канна-Каласа, не видѣлъ-ли онъ гдѣ черной лисицы, длиною въ 3 аршина. Богатырь отвѣчаетъ: «Эта лисица — дѣвушка Этюнь-Араксъ, а отецъ ея — Изитъ-Ханъ. Онъ живетъ съ дочерью подъ землею и вмѣстѣ съ нею творитъ на землѣ всевозможное зло. Эту дѣвушку я уже давно ищу; еще въ дѣтствѣ лежалъ я 40 лѣтъ подъ однимъ камнемъ, и она въ

образѣ лисицы пришла къ тому камню, намѣреваясь сожрать меня». Канна-Каласъ и Комдей-Миргенъ отправляются наказать Джильбегана и Черную лисицу. Вошли они въ подземный міръ и векорѣ прибыли къ Ирле-Хану. Комдей-Миргенъ хотѣлъ застрѣлить его изъ лука, но Ирле-Ханъ сказалъ: «Не стрѣлай въ меня, я владыка подземнаго міра и имѣю здѣсь такую же власть, какъ Кудай на землѣ. Убить меня и невозможно и не дозволено». Комдей-Миргенъ спрашиваетъ Ирле-Хана, зачѣмъ онъ велѣлъ отрубить его голову и держалъ ее у себя? — «За то, отвѣчаетъ Ирле-Ханъ, — что ты убилъ одного сильнаго богатыря». Канна-Каласъ говоритъ, что онъ убьетъ Ирле-Хана, если только послѣдній не освободитъ Канъ-Миргена. Ирле-Ханъ освобождаетъ его и всѣ 3 богатыря отправляются дальше, проникая все глубже и глубже во внутренности подземнаго царства. Они встрѣчаютъ старика, одѣтаго въ зеленое платье верхомъ на конѣ и съ 7 собаками, который сказалъ имъ: «Ты, Комдей-Миргенъ, ищешь Джильбегана, ты, Канна-Каласъ хочешь получить извѣстіе о Черной Лисицѣ, а ты, Канъ-Миргенъ желаешь одолѣть гонца двухъ братьевъ богатырей. На 2 земныхъ пласта ниже есть море, у котораго живетъ Талай-Ханъ съ сыномъ своимъ Тазе-Мекѣ. Джильбеганъ и гонецъ обращались къ Талай-Хану за помощью противъ Комдей-Миргена и Канъ-Миргена; но Талай-Ханъ — людоедъ, онъ сварилъ ихъ въ котлѣ и съѣлъ; Черная-же Лисица живетъ въ своемъ домѣ и спитъ теперь на своей постели». Приѣхали богатыри къ Талай-Хану, и Канъ-Миргенъ пошелъ къ нему. Его встрѣчаетъ Тазе-Мекѣ и говоритъ: «Вотъ уже 9 лѣтъ, какъ мой отецъ пытается сварить и съѣсть меня. Ты — великій богатырь, помоги мнѣ сварить и съѣсть его самого!» Вдругъ выходитъ Талай-Ханъ и бросается на нихъ съ намѣреніемъ убить и сожрать ихъ; но они одолѣли, связали и сварили его. Когда Канъ-Миргенъ вернулся къ своимъ названнымъ братьямъ, всѣ они сѣли на коней и поѣхали къ Изитъ-Хану, отцу Черной Лисицы. Приѣхавъ, они сошли съ лошадей, вошли къ Изитъ-Хану и спросили у него о дочери. Старикъ сказалъ, что онъ самъ ей не радъ и отъ всего сердца желалъ бы ея погибели. Онъ сказалъ имъ, что дочь только-что ушла отъ него и показалъ ея свѣжіе слѣды. Три богатыря, вскочивъ на коней, пустились преслѣдовать Черную Лисицу, ѣхали они — ѣхали и приѣхали въ степь, среди которой стоялъ огромный сарай. Они видѣли, какъ Черная Лисица вѣжала въ этотъ сарай, и послѣдовали за нею, но здѣсь было такъ темно, что они заблудились всѣ трое. Канна-Каласъ посоветовалъ обнажить мечи, Канъ-Миргенъ вынулъ изъ ноженъ свой мечъ, и при сіяніи его, богатыри увидѣли слѣды лисицы, потому что вынулъ свой мечъ Комдей, и при усилившемся свѣтѣ имъ легко было идти по слѣдамъ. Но вдругъ Канна-Каласъ, соскочивъ съ коня, наткнулся на мечъ Канъ-Миргена и умеръ. Оба названные брата плакали надъ нимъ 3 дня и 3 ночи, а между тѣмъ кони ихъ исчезли и только конь Канна-Каласа стоялъ у его тѣла. Богатыри пошли отыскивать своихъ лошадей по разнымъ направленіямъ, но заблудились и истомленные голодомъ, упали на землю. Когда они очнулись, сарая уже не было, и они лежали подъ открытымъ небомъ. Вдругъ къ нимъ является ожившій Канна-Каласъ, ведетъ ихъ лошадей и Черную Лисицу, привязанную на веревкѣ. Всѣ трое начали бить лисицу бичами и застегали ее до смерти. Тогда они отправились на землю, гдѣ ихъ снова встрѣтилъ старикъ съ 7 собаками. Богатыри повалились въ ноги ему, спрашивая, что онъ за человѣкъ. Старикъ отвѣчалъ: «Богъ назначилъ мнѣ ходить и на землѣ и подъ землей, давъ мнѣ силу утѣшать несчастныхъ и причинять горе счастливымъ. Меня зовутъ Когель-Ханъ, я

шаманъ, я знаю будущее, знаю прошедшее, знаю и все, что теперь дѣлается на землѣ». — «Скажи же намъ, говоритъ Канна-Каласъ, что дѣлается у насъ на родичѣ, а если не скажешь правды, то мы отрубимъ тебѣ голову». Старикъ надѣлъ шаманское платье, началъ шаманить, потомъ рассказалъ имъ, что дѣлается у нихъ дома. «Ты, сказалъ онъ Комдей-Миргену, выдай свою сестру за Канна-Каласа, а самъ женись на сестрѣ Канъ-Миргена, Канарко». Сказавъ это, старикъ сѣлъ на коня и уѣхалъ, а 3 богатыря отправились къ Канъ-Миргену и пировали здѣсь нѣсколько дней. Канна-Каласъ женился на Кубайко, Комдей на Канарко, а Канъ-Миргенъ остался одинъ жить въ палашѣ. Съ тѣхъ поръ они жили въ мирѣ и покоѣ, и ни болѣзни, ни смерть не имѣли силы надъ ними.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Почему выпадаетъ такъ много дождя въ нынѣшнемъ году?

(Изъ ст. французскаго астронома Камила Фламариона.)

Болѣе полугодомъ этотъ вопросъ задаетъ себѣ каждый и ждетъ отъ астрономовъ отвѣта на него. Въ самомъ дѣлѣ, уже прошлое лѣто было обильно дождями. Всѣ надѣялись, что осень будетъ сухая и солнечная, но дождь продолжалъ идти. Зима была продолжительная и снѣжная во всей Европѣ. Надежды обратились на весну и всѣ съ нетерпѣніемъ стали ожидать равноденствія 21 (9) марта. Наступило равноденствіе; но холодъ, сырость и дождь продолжали господствовать; въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ почти не видно было солнца. Почки, листья и цвѣты на деревьяхъ запоздали почти на цѣлый мѣсяцъ. Ежегодно я тщательно наблюдаю за каштанами, ивами, тополями и сиренями, растущими на моихъ глазахъ подлѣ «Обсерваторіи»; каштанъ, покрывавшійся листьями обыкновенно 24 марта, въ этомъ году покрывался ими только 14 апрѣля; тотъ, который цвѣлъ уже 20 апрѣля, теперь зацвѣлъ 19 мая; нѣкоторые каштаны зацвѣли лишь 10 іюня. Тоже случилось и съ другими деревьями. Оптимисты увѣренно рассчитывали, что въ іюнѣ настанетъ хорошая погода. Но наступило время самыхъ долгихъ дней въ году, а солнце по прежнему заволакивали тучи. Засвѣтитъ случайно солнце, смотришь на другой день опять леть дождь.

Для объясненія этихъ аномалій, болѣе или менѣе неприятныхъ и, во всякомъ случаѣ, пагубныхъ для жатвы и для здоровья, публика обращается къ астрономамъ, неправильно считая, что астрономія и метеорологія одна и таже наука. Это большая ошибка. Астрономія одна изъ наиболее точныхъ, имѣющихъ твердое основаніе наукъ, тогда какъ метеорологія находится еще въ зачаточномъ состояніи. Астрономическія наблюденія производятся не менѣе 4,000 лѣтъ; метеорологія же возникла только въ нынѣшнемъ столѣтіи, число ея наблюденій слишкомъ ограничено, а точные выводы, въ большинствѣ случаевъ, еще невозможны.

Несомнѣнно, что атмосферическія явленія обусловливаются дѣйствіемъ опредѣленныхъ силъ, точно такъ же, какъ и факты астрономическіе, и что движеніе снѣжинки, капли воды, пылинки управляется такими же законами, какъ и движеніе планетъ въ мировомъ пространствѣ. Только здѣсь больше мѣстныхъ вліяній, больше кажущихся условностей, чѣмъ въ движеніи небесныхъ свѣтилъ.

Предвидѣніе метеорологическихъ фактовъ далеко не такъ возможно, какъ предвидѣніе астрономическихъ. Спросите у астронома, сколько затмѣній будетъ до конца настоящаго столѣтія, сколько втеченіи будущихъ 100, 500, 1000 лѣтъ; въ какіе дни, часы и минуты произойдутъ они —

онъ вамъ отвѣтитъ точно. Спросите метеоролога, какая погода будетъ завтра, онъ не въ состояніи дать вамъ положительный отвѣтъ.

Признавая несостоятельность метеорологій, какъ же я рѣшился поставить вопросъ, обозначенный въ заглавіи этой замѣтки. Я только рѣшаюсь положить начало отвѣта, конецъ котораго послѣдуетъ, вѣроятно, въ будущемъ столѣтіи, едва-ли ранѣе. Но всякое дѣло должно имѣть свое начало.

Еслибы дождь шелъ только въ Парижѣ, во Франціи, наконецъ, въ Европѣ, вопросъ заключался бы въ предѣлахъ метеорологіи и на него было бы трудно дать категорическій отвѣтъ. Конечно, все свалили бы на воздушныя теченія: дождь идетъ потому, что господствуетъ сырой вѣтеръ. Но дождь идетъ вездѣ. Вотъ уже почти годъ надъ всей нашей планетой нависли тучи. Зима была продолжительна и сурова какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, въ Африкѣ и Америкѣ. Весны нигдѣ не было; настало лѣто и дождь непрерывно идетъ и въ Европѣ, и въ Соединенныхъ штатахъ. Такое состояніе погоды должно находиться въ зависимости отъ общей причины, слѣдовательно вопросъ становится астрономическимъ.

Подъ влияніемъ какой планеты мы находимся? — Солнца. — Отъ чего зависитъ температура земной атмосферы, климатъ и времена года? — Отъ солнца. — Не находится-ли солнце, въ послѣдній годъ, въ состояніи, отличномъ отъ его нормальнаго состоянія? — Да, находится. Уже почти годъ, какъ солнце находится въ состояніи чрезвычайно рѣдкаго покоя. Въ настоящій моментъ не замѣчается на немъ ни пятенъ *), ни изверженій.

Оно представляетъ собою океанъ свѣта, безъ бурь и движенія, столь свойственныхъ его нормальному состоянію.

Вотъ фактъ. Нынѣшній холодный, дождливый годъ совпадаетъ съ эпохой рѣдкаго спокойствія на солнцѣ. Не кроется-ли здѣсь случайнаго соотношенія? Можетъ быть. Въ будущемъ, когда соберется достаточное количество наблюденій, можно будетъ отвѣтить категорически на этотъ вопросъ.

Любопытно, что дѣятельность солнца, выражающаяся пятнами и взрывами, происходитъ періодически. Въ 1870 и 1871 годахъ было начтано 300 пятенъ; я измѣрялъ тогда одно изъ нихъ, въ 3 раза большее, чѣмъ наша планета. Съ этой эпохи число пятенъ и изверженій на солнцѣ правильно уменьшалось изъ года въ годъ. Замѣчено, что года 1870 и 1871 были жаркіе и сухіе. Послѣдній минимумъ солнечныхъ пятенъ, предшествующій настоящему минимуму, былъ въ 1866 и 1867 годахъ. Вѣроятно, многіе припомнятъ, что эти года были дождливые, въ особенности первый. Предшествующій максимумъ пятенъ былъ въ 1859 и 1860 годахъ; погода въ это время стояла сухая и теплая.

Слѣдуетъ остановить свое вниманіе на этихъ фактахъ: годы максимумовъ солнечныхъ пятенъ бывають годами теплыми и сухими; въ года же минимумовъ солнечныхъ пятенъ погода стоитъ болѣе холодная и дождливая. Вѣроятность соотношенія между количествомъ солнечныхъ пятенъ и состояніемъ погоды на нашей планетѣ, повидному, существуетъ. Но дѣйствительно-ли это такъ или же это только простая случайность, что одно съ другимъ совпадаетъ, мы не можемъ сказать категорически. Но у насъ имѣется чрезвычайно интересный предметъ для изученія и дальнѣйшія наблюденія помогутъ отвѣтить безошибочно на занимающій насъ вопросъ.

Что не подлежитъ сомнѣнію — это періодичность солнечной дѣятельности и зависимость отъ

*) Солнечныя пятна — газообразныя массы, до такой степени раскаленныя, что они уже не даютъ свѣта.

нея сѣверныхъ сіяній и земного магнетизма. Число сѣверныхъ сіяній, видимыхъ ежегодно, находится въ соотношеніи съ числомъ солнечныхъ пятенъ; тоже можно сказать и относительно точныхъ колебаній магнитной стрѣлки. Ничего не будетъ удивительнаго, если выяснится, что состояніе погоды на нашей планетѣ находится въ извѣстномъ отношеніи съ различными измѣненіями въ физическомъ состояніи солнца.

Но является новый вопросъ, какимъ же образомъ ослабленіе солнечной дѣятельности можетъ производить дождь, т. е. способствовать сгущенію облаковъ? Объясненіе этого явленія найти будетъ не трудно. Но нужно прежде доказать, что причина или одна изъ причинъ фактовъ, подлежащихъ объясненію, заключается именно въ солнцѣ. Не надо забывать, что зависимость состоянія погоды на нашей планетѣ отъ максимума и минимума солнечныхъ пятенъ до сихъ поръ не болѣе, какъ гипотеза.

Отвѣтъ можетъ быть только чисто научный и, конечно, онъ въ настоящее время несравненно меньше удовлетворитъ массу публики, жаждущей немедленнаго и категорическаго отвѣта, чѣмъ простыя на видъ объясненія погоды по фазамъ луны, преподносимые ей календарями. Успѣхомъ своимъ, постоянно возрастающимъ, начиная съ 1836 года, календари обязаны болѣе всего помѣщаемымъ въ нихъ «предсказаніямъ погоды». Предсказанія эти болѣею частью не исполняются, но публика продолжаетъ обращаться къ нимъ и вѣрить имъ. Изъ ста одно исполнившееся предсказаніе запечатлѣвается въ памяти публики, которая тотчасъ же забываетъ, что 99 не исполнились.

Въ прежнее время однимъ изъ главныхъ доходовъ берлинской академіи была распродажа ея своего календаря. Стѣясь, что въ изданіи академіи помѣщается отдѣлъ «предсказаній», не основанныхъ ни на какихъ научныхъ данныхъ, одинъ изъ ученыхъ предложилъ исключить изъ календаря отдѣлъ такихъ «предсказаній», замѣнивъ его сообщеніемъ научныхъ свѣдѣній, полезныхъ и необходимыхъ публикѣ. Академія такъ и сдѣлала. И что же? Распродажа календаря тотчасъ же значительно ослабѣла и академія потеряла постоянный вѣрный доходъ. Опасаясь дальнѣйшаго возрастанія дефицита, академія возвратилась къ прежнему составу своего календаря.

Пора бы наконецъ давать публикѣ научныя положительныя свѣденія вмѣсто нелѣпыхъ предсказаній, которымъ сами авторы разумѣется не вѣрятъ. Впрочемъ, уже замѣчается поворотъ къ лучшему; это доказывается возрастающимъ успѣхомъ астрономическихъ популярныхъ изданій.

При осадѣ Никшича.

(Ст. др-а А. В. Щербакъ.)

(Продолженіе.)

аступило 25 августа. На всѣхъ позиціяхъ кругомъ Никшича царилъ мертвая тишина. Часа за два до полудня, я получилъ приказаніе отъ князя устроить перевязочный пунктъ на Требежской Главницѣ, въ огромной пещерѣ, позади батареи. Его свѣтлость со штабомъ расположился возлѣ кучи Махмуда *), откуда было всего удобнѣе наблюдать за ходомъ дѣла.

Отправивъ впередъ герцеговинскую команду въ обходъ батарей, я присоединился къ Врбичѣ, который въ надеждѣ на строгое соблюденіе, со стороны непріятеля, еще не окончившагося перемирія, избралъ кратчайшій путь на Требежскую Главницу,

*) Такъ назывались развалины дома извѣстнаго никшичскаго юнака.

въ полуружейномъ разстояніи отъ турецкихъ построекъ, на окраинѣ города.

Было уже 12 часовъ, когда мы забрались на батарею. Въ этотъ день расположеніе черногорскихъ орудій было тоже, что и вчера, кромѣ двухъ девятифунтовыхъ Гейслера, перевезенныхъ съ большаго Умака на Прной-валъ.

Въ началѣ перваго часа раздалась три условныхъ холостыхъ выстрѣла съ Качанскихъ Главницъ. На эти выстрѣлы турки не выкинули бѣлаго флага, а отвѣтили залпомъ изъ четырехъ орудій, по направленію къ Требежкѣ. Черногорцы въ свою очередь открыли огонь почти разомъ со всѣхъ батарей — и канонада началась.

Выполненіе програмы артилерійскаго дѣла было распределено между тремя частями: черногорцы стрѣляли по городскимъ строениямъ, Циклинскій выбралъ цѣлью башню крѣпости и брустверы шанцевъ Хасанджидина Гроба, а Гейслеръ принялъ на себя демонтровку орудій цитадели (дист. 750 саж.). Не прошло и часу, какъ одно изъ непріятельскихъ орудій, будучи подбито, смолкло. Вслѣдъ затѣмъ, на крѣпости показался громадный снопъ огня и дыма, граната изъ девятифунтоваго орудія взорвала запасъ пороха и снарядовъ въ непріятельскомъ блиндажѣ... Второе орудіе въ крѣпости тоже замолкло, но не надолго. Со всѣхъ сторонъ черногорцы кричали Гейслеру: «Живіо!.. Ура!..»

Слава дня безспорно осталась за нимъ *).

Къ вечеру постепенно водворилась тишина. Сидя въ пещерѣ, въ ожиданіи раненыхъ, мы были вполне защищены отъ непріятельскихъ снарядовъ, которые, перелетая черезъ батарею, ударялись въ толстую, передовую ея стѣну. Только двѣ шальныя пули шлепнулись въ разложенный у входа костеръ. Былъ 11-й часъ ночи. Вдругъ по всей черногорской линіи замелькали огоньки. Въ нѣсколько минутъ перерывистый ружейный огонь слился въ батальный. Грянули орудія и долина огласилась громкими кликами черногорцевъ.

Начались атаки — Петровскихъ Главницъ, со стороны Требежки: 600 черногорцевъ, подъ начальствомъ Врбичи, и Хасанджидина Гроба, со стороны Драговой Луки: 300 черногорцевъ, подъ предводительствомъ Пламенаца. Атакующіе сначала было пустили въ дѣло заготовленные монтлеты, но весьма скоро убѣдившись въ неудобствѣ этого изобрѣтенія, они немедленно кинули ихъ и бросились въ ятаганы. Хасанджидинъ Гробъ былъ быстро занятъ, съ потерей только 4 человекъ ранеными, а непріятель, въ числѣ 40 человекъ, тотчасъ же скрылся въ городъ; но зато на Петровскихъ Главницахъ турки сопротивлялись отчаянно, уступая только шанецъ за шанецъ, пока ихъ совсѣмъ не выбили съ холмовъ. Черногорцы лишились при этомъ 7 человекъ убитыми и 19 ранеными. У непріятеля, котораго численность не превышала 150 человекъ, оказалось 35 убитыхъ. Одинъ изъ раненыхъ турокъ, захваченный въ плѣнъ, былъ присланъ мнѣ Врбичей съ запиской, въ которой значилось, что плѣнный посылается живымъ. На записку эту я долженъ былъ отвѣчать воеводѣ: дѣйствительно-ли турокъ былъ доставленъ ко мнѣ въ такомъ видѣ. Раненый, хотя и былъ живъ, но ударъ ятаганомъ, раздробившій ему правую темянную кость, далъ ему промучиться лишь нѣсколько часовъ.

Завладѣвъ Петровскими Главницами и Хасанджидинымъ Гробомъ, черногорцы придвинулись къ самому городу. Нѣкоторые даже заняли ближайшіе дома.

Слѣдующій день, 26 августа, начался снова

*) Посланная мною въ этотъ день телеграмма въ «Новое Время» не была пропущена въ Цетинь, потому что Чутурило находилъ, будто сообщеніе мое о Гейслерѣ умаляетъ значеніе черногорцевъ. — «По вашей депешѣ можно, пожалуй, заключить, что не мы, а вы, русскіе, взяли Никшичъ», объяснялъ онъ мнѣ впоследствии.

въ глубокомъ молчаніи: съ обѣихъ сторонъ ни одного выстрѣла. Мѣсто для перевязочнаго пункта мы заняли возлѣ Чаджалыцы. Въ 5 часовъ пополудни, артиллерія открыла огонь по редуту Дзинковацъ; съ наступленіемъ темноты носѣдовала короткій перерывъ въ стрѣльбѣ, но черезъ нѣсколько времени огонь былъ снова открытъ. По направленію къ Дзинковаду быстро забѣгали на черномъ фонѣ наступившей ночи тысячи ружейныхъ огоньковъ все ближе и ближе къ редуту. Въ этотъ моментъ, совершенно неожиданно для непріятеля, со стороны Студенитскихъ Главъ, раздались дикіе крики черногорцевъ. Не давъ опомниться изумленнымъ туркамъ, не считывавшимъ на нападеніе съ этой стороны, черногорцы почти безъ боя захватили всѣ передовыя крѣпостныя укрѣпленія съ южной стороны, а именно: Круглый шанецъ, Шайтонъ и остальные. Непріятель едва спяса въ крѣпость.

Движеніе на Дзинковацъ и Здомира, было только демонстраціей, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля.

27 августа положеніе никшичанъ представлялось до послѣдней степени критическимъ. Изъ укрѣпленій у нихъ остались только крѣпость и редутъ Дзинковацъ. Домъ на окраинѣ города совершенно опустѣли, — всякій, кто только могъ перебрался въ ближайшій къ крѣпости кварталъ. По диспозиціи, составленной княземъ еще 25-го числа, черногорцы въ этотъ день должны были взять штурмомъ оставшіяся укрѣпленія, крѣпость и редутъ. Потери предвидѣлись большія, но князь повидимому рѣшился во что бы то ни стало исполнить данное имъ слово турецкимъ парламентарамъ, при послѣднихъ переговорахъ о сдачѣ Никшича. Штурмъ конечно былъ съ руки черногорцамъ: воодушевленные усѣхами предшествовавшихъ дней, они ждали его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

Было 11 часовъ утра. Всюду на позиціяхъ царилъ полнѣйшее безмолвіе. Ладьеобразный конь мусульманской Трои былъ приведенъ въ надлежащее положеніе, чтобы быть готовымъ по условному трубному сигналу двинуться къ грозной Никшичской крѣпости. Вдругъ среди тишины раздается сначала смутный, неопредѣленный шумъ; съ минуты на минуту шумъ этотъ усиливается и переходитъ наконецъ въ громкій гулъ тысячи голосовъ: «Никшичъ допадѣ!.. Живѣ!».

Надъ турецкой цитаделью взвился бѣлый флагъ!.. Никшичъ сдается!..

Изъ квартала близъ крѣпости, къ выходу изъ города, потянулась небольшая группа людей съ бѣлыми значкомъ и съ комендантомъ во главѣ. Въ это время князь находился у кучи Махмуда, ему немедленно дали знать о приближающейся депутаціи. Переодѣвшись въ блестящій, украшенный звѣздами костюмъ, князь съ гордымъ и самодовольнымъ лицомъ сталъ ожидать прибытія депутатовъ. Наконецъ они явились. Первымъ приблизился комендантъ крѣпости Искандеръ-Бекъ Миродай. Отдавъ честь по военному, онъ заявилъ князю, что не имѣя возможности долѣе держаться и не желая безплодно губить людей, онъ, вмѣстѣ съ депутатами отъ горожанъ, рѣшили сдать крѣпость и городъ въ полное распоряженіе его свѣтлости, питая при этомъ надежду, что высокій побѣдитель великодушно дозволитъ низаму вернуться домой съ оружіемъ. Милостиво изъявивъ на это свое согласіе, князь, обращаясь къ депутатамъ, сказалъ, что предоставляетъ жителямъ полную свободу остаться въ городѣ или уйти изъ предѣловъ Черногоріи, при чемъ имъ дозволяется забрать все ихъ движимое имущество. Отвѣтивъ на слова князя низкими поклонами, депутаты молча вернулись въ Никшичъ, князь же приказалъ привести съ позицій два черногорскіе батальона: одинъ изъ нихъ, съ Пламенацемъ во главѣ, долженъ былъ, войдя въ городъ, занять крѣ-

АМУРЪ

И ПСИХЕЯ.

пость; другой — оцѣпить по окраинамъ Никшичъ во избѣжаніе могущихъ быть попытокъ грабежа.

Батальоны прибыли къ Махмудовой кучѣ и выстроились въ два ряда по обѣимъ сторонамъ дороги, что вела въ городъ. За цетинско-негусскимъ батальономъ, оставшимся въ лагерѣ, на Горнемъ полѣ, было послано еще раньше. Князь со всей свитой, верхомъ, окруженный переносками, съ разноцвѣтными значками, воткнутыми въ ружья, расположился нѣсколько въ сторонѣ; небольшая группа музыкантовъ устроилась на ступени турецкаго войска изъ Никшича. Наконецъ показались сіе мундиры съ ружьями. Это были низамы, числомъ около 500 человекъ, впереди которыхъ ѣхалъ комендантъ. За ними тянулась длинная вереница горожанъ съ музами и лошадьми, навьюченными разнымъ домашнимъ имуществомъ, въ сопровожденіи множества женщинъ, закутанныхъ въ бѣлыя чадры и съ цѣлою толпою маленькихъ дѣтей.

Лишь только низамы приблизились къ князю, комендантъ сошелъ съ лошади и присоединился къ свитѣ его свѣтлости; турецкіе солдаты же, взявъ ружья на караулъ, медленнымъ шагомъ прошли мимо побѣдителя, а затѣмъ князь потребовалъ себѣ мѣшокъ съ серебряными деньгами и сталъ весьма щедро одѣлывать ими женщинъ и дѣтей. Когда все было роздано, Пламенацъ, по приказанію князя, двинулся съ батальонами въ городъ; за ними послѣдовали музыканты и наконецъ его свѣтлость, окруженный со всѣхъ сторонъ свитой. Подосѣвшій къ этому времени цетинско-негусскій батальонъ замыкалъ собою шествіе; музыка играла маршъ, восторженные крики «живѣ!», громко потрясая воздухъ, не умолкали ни на минуту. Всѣ были въ радостно-возбужденномъ настроеніи.

Проѣхавъ съ четверть часа, когда до города оставалось не болѣе версты, князь приказалъ всѣмъ батальонамъ, кромѣ цетинскаго, идти впередъ, а самъ со свитой и съ вышеозначеннымъ батальономъ сдѣлалъ кратковременный привалъ и предложилъ окружающимъ его корреспондентамъ отправить телеграммы о торжественномъ событіи съ его нарочнымъ, котораго онъ посылаетъ немедленно на станцію, въ Сливну, съ депешей къ княгинѣ. Телеграмму эту князь написалъ экспромтомъ и стихами, она гласила слѣдующее:

На бѣлѣу оногшуту застава се моа виѣ
А Пламенацъ воєвода подъ ѣимъ руїно вино пиѣ
Око ѣега бариактари загракташе ка' орлови
А Никшичи сѣтни тужви сад су мени сви робови.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда посланный съ радостными вѣстями скрылся изъ виду, князь подозвалъ меня и выразилъ желаніе, чтобы я со своими герцеговинскими санитарями догналъ бы скорѣе ушедшіе уже батальоны, вошелъ бы съ ними въ городъ и, принявъ на свое попеченіе раненыхъ въ турецкомъ госпиталѣ, привелъ бы въ немъ по возможности все въ порядокъ. Мы отправились, а князь остался со свитой дожидаться пока черногорцы займутъ крѣпость.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

И з а.

Романъ А. Бувыѣ.

(Продолженіе.)

Глава III.

Похожденія Шади.

Женщины, въ родѣ Изы, пользуются въ Парижѣ тою привилегіей, что газеты стараются сообщать малѣйшія подробности изъ ихъ жизни. Однакожь, когда день продажи имущества прелестной молдаванки былъ назначенъ, газеты измѣнили своему обычаю и не промолвили ни словомъ, хотя это имущество было такого сорта, что о немъ стоило упомянуть. Правда, мебель не отличалась изяществомъ и художественностью

стиля, но за то она была очень роскошна. Между картинами, преимущественно молодых художниковъ, было нѣсколько замѣчательныхъ произведенийъ.

Съ той поры, какъ было вывѣшено объявленіе объ этой продажѣ, агентъ Гюре избралъ мѣстомъ своихъ, почти непрерывныхъ, прогулокъ окрестности дома Изы; его сильно заинтриговали частыя посѣщенія дома бывшей горничной графини Зинтской. Каждый разъ, когда Жюстина входила въ комнаты, гдѣ было выставлено имущество, назначенное въ продажу, Гюре слѣдовалъ за нею, но не замѣтилъ ничего подозрительнаго. Горничная занималась приведениемъ въ порядокъ предметовъ туалета и только.

Выставка продаваемыхъ вещей продолжалась два дня. Гюре очень тщательно осмотрѣлъ всѣ вещи, употребивъ для этого осмотра по крайней мѣрѣ четыре часа. Опытный взглядъ его и тутъ не замѣтилъ ничего подозрительнаго. Все было роскошное, дорогое, но мало вкуса, однимъ словомъ, все, что можно встрѣтить у модной куртизанки.

Въ день самой продажи Гюре забрался спозаранку и помѣстился какъ разъ подлѣ стола аукціониста, избравъ такое мѣсто, откуда онъ могъ видѣть всю публику. Разумѣется публика интересовала его очень мало, хотя онъ могъ бы услышать не мало любопытныхъ разсказовъ какъ о самой Изѣ, такъ и о нѣкоторыхъ вещахъ, уже не первый разъ выставленныхъ для аукціонной продажи. Вещи эти имѣли свою исторію, переходя изъ рукъ одной куртизанки къ другой. Все вниманіе агента было обращено на горничную Жюстину, которая, войдя въ залу, осмотрѣлась вокругъ себя и направилась къ одному изъ крупныхъ мебельныхъ торговцевъ, съ которымъ стала разговаривать вполголоса. Гюре одолѣвало любопытство узнать, о чемъ они говорили между собою. Вотъ они ушли въ сосѣднюю комнату. Гюре очень хотѣлось послѣдовать за ними, но толпа была такъ густа, что не было возможности тронуться съ мѣста и Гюре остался на своемъ наблюдательномъ посту. Вскорѣ Жюстина съ ея спутникомъ вернулись и сѣли какъ разъ напротивъ Гюре на другомъ концѣ залы.

Жюстина замѣтила въ свою очередь, что она служить предметомъ вниманія странной личности, общественное положеніе которой она опредѣлить не могла. Привратница еще ранѣе указала ей на Гюре, котораго приняла за страстного любителя аукціоновъ и барышника, потому что онъ очень внимательно осматривалъ каждую вещь. Горничная безпрестанно посматривала на Гюре, но ничего, кромѣ воинственной фисіономіи, усмотрѣть не могла.

Когда аукціонистъ и его помощники заняли свои мѣста и продажа готова была начаться, въ толпѣ произошло движеніе и раздался весьма пелестный восклицанія. Какой-то молодой человекъ, не обращая вниманія на сыпавшіяся противъ него проклятія, старательно работалъ локтями, проталкиваясь впередъ.

— Извините! Позвольте! Прошу прощенія, я, кажется, толкнулъ васъ сударыня! говорилъ онъ, пробираясь все дальше и дальше.

Наконецъ, онъ замѣтилъ Гюре, взобравшагося на табуретку и дѣлавшаго ему знаки. Молодой человекъ присоединился къ нему.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ. — Большого труда мнѣ стоило пробраться; на лѣстницѣ почти столько же народу, сколько и здѣсь.

— Вы нѣсколько запоздали.

— Развѣ уже началось? Не напортилъ-ли я вамъ своимъ позднимъ прибытіемъ?

— Нѣтъ. Но какъ это вамъ удалось пробраться?

— О, это пустяки. Правда, меня ругнули порядкомъ, но меня позабавило ихъ бѣшенство; купчины почти всегда болѣе смѣшны, чѣмъ грозны, когда злятся... Что я долженъ дѣлать?

— Еще не знаю. Можетъ быть, вамъ придется послѣдовать за кѣмъ-нибудь, если обстоятельства заставятъ меня оставаться до конца аукціона.

— Значитъ предстоитъ новая работа моимъ локтямъ, сказала Шади;—отлично, я посмотрю еще разъ, какъ злятся лавочники.

— Встаньте передо мной, сказалъ Гюре, уступая ему свое мѣсто;—изъ-за васъ мнѣ легче наблюдать, а меня никто не будетъ видѣть.

— Можно мнѣ будетъ что-нибудь купить... я общалъ Денизѣ, что если увижу шелковое платье по сходной цѣнѣ, я непременно куплю его. Она увѣряла меня, что на продажахъ имущества этихъ дамъ, ихъ туалетъ идетъ за ничто и платье можно купить совсѣмъ новое.

Продажа началась. Каждый разъ, какъ объявлялось о продажѣ платья или какого-нибудь другого предмета женскаго туалета, Шади надбавлялъ цѣну, но, къ его удивленію и досадѣ, каждый разъ вещь оставалась за кѣмъ-нибудь изъ торговцевъ или торговокъ, которые смѣялись отъ души, видя негодованіе молодого человека. Шади не зналъ, что между торговцами существуетъ стачка и они не допустятъ его сдѣлать покупку. Гюре обвелъ глазами торговку и, замѣтивъ одну изъ нихъ, которую ему какъ-то пришлось арестовать за неблаговидный поступокъ, поманилъ ее къ себѣ.

— Г-жа Тибо, сказалъ онъ ей, — окажите мнѣ любезность, купите одно изъ платьевъ и уступите его моему молодому другу.

— Съ удовольствіемъ исполню ваше желаніе.

— Это, это! вскричалъ Шади, указывая на шелковое платье яркаго цвѣта, сильно декольтированное.—Оно должно понравиться м-ль Денизѣ.

— Молчите, сказалъ агентъ, — она знаетъ свое дѣло.

Аукціонная цѣна платья была назначена 15 франковъ; оно осталось за торговкой за 16. Шади рассчитывалъ, что ему придется заплатить отъ 30 до 40 франковъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Гюре и торговку.

— Во всемъ трбуется своя снаровка, сказала г-жа Тибо, передавая ему платье.

— Вы получили свое, сказалъ ему вполголоса Гюре,—будемъ же думать теперь только о дѣлѣ, которое привело насъ сюда.

Агентъ замѣтилъ, что горничная живо говорить что-то торговцу и указываетъ ему на извѣстное уже намъ прелестное маленькое бюро, на которое долженъ былъ сейчасъ идти торгъ.

— Откройте его! закричали торговцы.

— Открыть нечѣмъ, ключъ потерянь, отвѣчалъ аукціонистъ;—но вещь совершенно новая.

Новая, эта вещица должна была стоить 400 франковъ. Уже предложено было за нее 330 франковъ торговцемъ, бесѣдовавшимъ съ Жюстиной.

«Если эта вещь не нужна кому-нибудь во что бы то ни стало, подумалъ Гюре,—за нее болѣе не дадутъ ни сантима. Крупному мебельщику, торгующему ею, она не нужна; не можетъ быть также, чтобы горничная вздумала купить ее для себя. Тутъ кроется что-нибудь».

И, наклонившись къ Шади, онъ сказалъ ему тихо:

— Торгуйтесь.

— 340! закричалъ Шади, подумавъ, ужъ не сошелъ-ли съ ума Гюре.—Вы знаете у меня нѣтъ такихъ денегъ, прибавилъ онъ тихо.

— 350! закричалъ торговецъ.

— 400, шепнулъ Гюре.

— 400, повторилъ Шади, покраснѣвшій точно ракъ, потому что взоры всей публики устремились на него.

Жюстина подняла голову, желая посмотрѣть на ретиваго покупателя:

— 420, сказалъ торговецъ.

— 450, отвѣчалъ Шади, уже не ожидая приказа.

— 470...

— 500! кричалъ Шади, прерывая своего конкурента.

— 550! отвѣчалъ купецъ.

Шади хотѣлъ еще поднять цѣну, но его остановилъ Гюре.

— Довольно, я знаю, что мнѣ нужно, сказалъ агентъ.—Не спускайте глазъ съ этой мебели; намъ необходимо узнать, куда ее отвезутъ.

Спорная вещь осталась за мебельнымъ торговцемъ. Въ залѣ водворилась полная тишина и до чуткаго уха Гюре долетѣло восклицаніе Жюстины: «Наконецъ-то!» Вслѣдъ за этимъ горничная ушла изъ залы.

Купленную мебель, очевидно, нельзя было вынести ранѣе окончанія аукціона; купившій ее торговецъ остался въ залѣ; Гюре, разумѣется, не упустилъ его изъ виду.

Шади было очень весело; аукціонъ забавлялъ его. Наконецъ все цѣлое и неиспорченное было продано и приступили къ продажѣ лома и старья. Кромѣ платья Шади купилъ за 4 франка полинявшую вышивку, назначеніе которой было трудно опредѣлить. Но вотъ нѣсколько человекъ съ трудомъ приволокли старинное бюро, значительно попорченное и поставили его у двери. Объявленная оцѣнка ему была 10 фр. Покупателей за эту цѣну не оказывалось. Аукціонистъ предложилъ желающему назначить свою цѣну.

Шади осматривалъ всю публику, изумляясь, что не находится покупателя на такую прекрасную мебель. Пока онъ раздумывалъ, какой-то старьевщикъ предложилъ за бюро 3 франка.

— Я даю четыре франка, сказалъ Шади.

Никому не пришло охоты надбавить и бюро осталось за Шади.

— Бюро давно стояло безъ употребленія и ключъ потерянь, сказалъ аукціонистъ.

— Не правда-ли хорошая покупка? Не дорого? спросилъ Шади, обращаясь къ Гюре; но тотъ не отвѣчалъ ему ни слова, обративъ все свое вниманіе на корзину, которую принесли къ аукціонисту и открыли. Съ нея должна была начаться распродажа погреба.

— Корзина на 25 бутылокъ шампанскаго, сказалъ аукціонистъ,—но вина только 23 бутылки; двѣ бутылки израсходованы.

Онъ взялъ въ руки одну изъ бутылокъ, вынулъ ее изъ соломеннаго чехла и, посмотрѣвъ, какой марки вино, объявилъ о томъ публикѣ.

— Передайте мнѣ эту бутылку, сказалъ Гюре, обращаясь къ Шади, стоявшему ближе къ аукціонисту. Тотъ исполнилъ его желаніе. Осмотрѣвъ бутылку, агентъ шепнулъ Шади:

— Надо купить это вино; торгуйтесь.

— 23 бутылки шампанскаго—100 фр., объявилъ аукціонистъ.

— 110! закричалъ Шади.

Кто-то еще надбавилъ; Шади поднялъ цѣну и вино осталось за нимъ за 120 франковъ. Гюре, вырвавъ листокъ изъ своей записной книжки, написалъ на немъ слѣдующее: «Куплено Гюре, агентомъ сыскной полиціи, который проситъ г. аукціониста засвидѣтельствовать на семъ же, что ящикъ былъ открытъ и изъ него вынуто двѣ бутылки шампанскаго такой-то фирмѣ». Подписавъ, онъ передалъ записку вмѣстѣ съ деньгами аукціонисту, который не замедлил исполнить его желаніе. Пока аукціонистъ писалъ, торгъ на время прекратился.

Торговецъ, за которымъ наблюдалъ Гюре, воспользовавшись этимъ перерывомъ, подозвалъ помощниковъ и поручилъ имъ снести купленное имъ маленькое бюро-шифоньерку.

— Поскорѣ выходите, Шади, сказалъ агентъ, —и слѣдуйте за купцомъ; узнайте, куда онъ от-

везетъ мебель; это очень важно для нашего дѣла.

Шади повиновался; трудно ему было пробиться сквозь толпу, но онъ достигъ своего: вышелъ на улицу въ тотъ моментъ, когда маленькое бюро ставили въ фіакръ. Купецъ сѣлъ въ тотъ же фіакръ. Мебель была легкая и хрупкая и потому торговецъ велѣлъ извозчику ѣхать какъ можно тише.

«Отлично! подумалъ Шади,—я посиѣю за ними пѣшкомъ».

Черезъ десять минутъ экипажъ остановился передъ лавкой мебельщика и обойщика въ улицѣ Сен-Гоноре.

«Стоило брать экипажъ! подумалъ Шади.— Видно у него деньги шальные. На такое разстояніе могъ бы приволочь эту легкую мебель и на своихъ плечахъ».

Пожавъ презрительно плечами, Шади спрятался въ подъездѣ изъ опасенія, что торговецъ навѣрное узнаетъ его, какъ своего конкурента на аукціонѣ. Онъ видѣлъ, что торговецъ очень осторожно перенесъ восхитительное бюро и поставилъ его на самомъ видномъ мѣстѣ, на выставкѣ, въ своей лавкѣ. Сдѣлавъ это, онъ посмотрѣлъ на часы и вошелъ внутрь лавки.

Шади порѣшилъ, что ему пора возвратиться къ Гюре; онъ зналъ все, что нужно было знать.

— Навѣрное этотъ купчина, говорилъ Шади вслухъ, идя въ Фриландскую улицу,—покроетъ лакомъ эту маленькую вещицу и продастъ ее за 800 фр. Вотъ какъ составляютъ они капиталы.

Когда Шади вернулся на Фриландскую улицу, Гюре сидѣлъ въ экипажѣ, дожидаясь его. Купленная корзина находилась при немъ. Агентъ предложилъ молодому человѣку ѣхать съ нимъ. Шади попросилъ его пообождать, сбѣгалъ въ залу, съ помощію носильщиковъ вытащилъ свое бюро и предложилъ кучеру поставить его на козлы.

— Эдакую-то машину? Нѣтъ, благодарствуйте, отвѣчалъ кучеръ.

Шади попытался приподнять свою покунку; она оказалась очень тяжелой; добрый молодецъ даже поблѣднѣлъ отъ натуги.

— А что, г. Гюре, сказалъ онъ, подбѣжавъ къ экипажу,—если въ ящикахъ этого бюро найдутся деньги, я буду имѣть право воспользоваться ими.

Гюре бросилъ разсѣянный взглядъ на бюро и сказалъ:

— Да, да! Я поѣду къ мебельщику и завтра увижусь съ вами у г. Пальера. Сегодняшній день мы можемъ считать для себя не потеряннымъ.

— Для меня онъ выгоденъ, сказалъ Шади про себя, когда экипажъ удалился, и побѣжалъ отыскивать комиссіонера съ ручной телѣжкой. Потомъ, при помощи его и двухъ прохожихъ, Шади взвалилъ на телѣжку купленное бюро и двинулся въ путь, помогая комиссіонеру везти телѣжку. Кромѣ того Шади несъ въ рукѣ платье и вышивку, купленную имъ на томъ же аукціонѣ. Шествіе остановилось у дома, гдѣ квартировала м-ль Дениза. Большого труда стоило втащить бюро въ квартиру хорошенькой прачки. Окончивъ благополучно это дѣло и отпустивъ комиссіонера, Шади расположился въ креслѣ, отирая платкомъ потъ, струившійся по его лицу. М-ль Денизы не было дома.

«А тамъ навѣрное есть что-нибудь, думалъ Шади;—все время что-то внутри звенѣло. Ну, какъ мы разбогатѣемъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, при каждомъ толчкѣ, внутри бюро раздавался какой-то странный металлическій звукъ.

Наконецъ пришла Дениза; онъ показалъ ей платье; хорошенькая прачка бросилась ему на шею и отъ души его поцѣловала. Надѣловавшись вдоволь со своей подругой, Шади обратилъ ея вниманіе на бюро.

— Это что такое! вскричала Дениза.—Какая громадина! точно бильярдъ.

— Это большое бюро; я дарю его тебѣ, Дениза, но съ условіемъ, что все, что найдется внутри, принадлежитъ мнѣ.

— Какія же тамъ богатства?

— Ключъ потерявъ; бюро давно не употребляли и на аукціонѣ его не открывали. Но слушай, Дениза, дорогой я нѣсколько разъ прикладывалъ ухо... звенить; тамъ что-нибудь есть.

— А! съ изумленіемъ воскликнула Дениза;— что если мы найдемъ тамъ кладъ.

Шади взялъ клещи и, покраснѣвшій отъ волненія, сталъ ломать замокъ; во время его работы слышались явственно звуки.

— Тамъ есть что-то; я слышу! вскричала Дениза.

Шади понатужился, замокъ щельнулъ и отскочила крышка, обнаруживъ клавиши.

Дениза весело захохотала.

— Что это? фортепьяно, сказалъ потерявшійся Шади.

Шади прибрѣлъ вмѣсто бюро старинный шпинетъ.

Между тѣмъ агентъ Гюре, нанявшій извозчика въ полицейскую префектуру, проѣзжая мимо указанной ему Шади лавки мебельщика и обойщика въ улицѣ Сен-Гоноре, приостановился тутъ и убѣдился, что маленькое бюро стоитъ на томъ мѣстѣ, куда его поставилъ торговецъ, привезя съ аукціона. «Что побудило его купить эту вещь?» думалъ Гюре. Отвѣтъ былъ прямой, что, вѣроятно, онъ надѣялся продать ее съ барышомъ. Но зачѣмъ замѣшалась бывшая горничная Изы? Агенту чулась тутъ какая-то интрига и у него явилось непреодолимое желаніе разъяснить ее.

Приѣхавъ въ префектуру Гюре сдалъ купленную корзину и представилъ свидѣтельство, выданное ему аукціонистомъ. Исполнивъ это, онъ отправился въ улицу Сен-Гоноре и вошелъ въ лавку обойщика и мебельщика; бюро стояло на прежнемъ мѣстѣ. Гюре объяснилъ хозяину, что онъ вмѣстѣ съ своимъ молодымъ другомъ перестали на аукціонѣ торговаться на бюро, не желая слишкомъ набивать цѣну.

— За сколько продадите вы мнѣ это бюро, за которое мы съ вами такъ горячо спорили на аукціонѣ? спросилъ онъ.

— Я не могу продать вамъ его, отвѣчалъ купецъ.

— Почему?

— Оно продано.

— Какъ! оно уже продано?

— Особа, знающая эту вещь и желающая прибрѣсти ее, поручила мнѣ купить ее... я увѣренъ, она не постоитъ за цѣной.

— Досадно, сказалъ агентъ, подозрѣнія котораго еще болѣе усилились;— мнѣ такъ хотѣлось купить эту шифоньерку; она въ томъ же стилѣ, какъ моя мебель, и мнѣ недостаетъ именно такой вещи. Впрочемъ, я полагаю, можно найти подобную.

— И даже дешевле, чѣмъ я заплатилъ на аукціонѣ; я могу доставить вамъ повую, совершенно такую же.

— Объ этомъ я съ вами поговорю впоследствии. До свиданія; надѣюсь скорѣ увидѣться съ вами.

Гюре вышелъ, провожаемый до дверей торговцемъ. Нечего и говорить, что любопытство его еще болѣе возбудилось. Кому безцѣльно можетъ прійти охота платить за старую вещь большую сумму, чѣмъ стоитъ она новая? Ясно, что здѣсь кроется тайна: необходимо разгадать ее во что бы то ни стало.

Выйдя изъ лавки Гюре помѣстился такъ, чтобы не терять ее изъ виду, чтобы можно было замѣтить каждаго ея посѣтителя, входящаго и выходящаго. Прошло болѣе часа; наступали уже

сумерки. Въ это время въ лавку вошла богатодѣтая дама подъ вуалью, въ сопровожденіи мужчины, лицо котораго было совершенно укутано воротникомъ пальто. Гюре всталъ какъ разъ противъ лавки на противоположной сторонѣ улицы. Дама и мужчина скорѣ вмѣстѣ съ торговцемъ подошли къ бюро. Лавочникъ о чемъ-то поговорилъ съ ними, записалъ въ свою книжку, вѣроятно адресъ, и получилъ деньги.

«Чортъ возьми! думалъ Гюре.— Кажется купчина посмѣялся надо мной. Онъ сказалъ мнѣ, что бюро продано; между тѣмъ сейчасъ продать его этимъ господамъ. Если бы оно было продано заранѣе, покупателямъ не зачѣмъ бы было прѣзжать сюда; лавочникъ самъ отправилъ бы бюро по адресу. Какая путаница происходитъ здѣсь! Я долженъ непременно разъяснить ее».

Пока Гюре размышлялъ такимъ образомъ, торговецъ проводилъ даму и мужчину до ихъ кареты, стоявшей у подъезда. Купецъ отперъ дверцу и, подсаживая даму, сказалъ ей:

— Я не замедлю прислать вамъ. Сейчасъ же я пошлю за телѣжкой... Не опасайтесь, сударыня, продолжалъ онъ, очевидно, отвѣчая на слова дамы,—будутъ приняты всѣ предосторожности. Бюро повезутъ бережно и, ручаясь, его не перевернутъ.

Купецъ заперъ дверцу кареты и вошелъ въ свою лавку.

«Что все это значитъ? думалъ агентъ, щипая свои усы.— Надъ кѣмъ здѣсь смѣются? Надо разъяснить эту тайну. Очевидно, я попалъ на слѣдъ».

Гюре былъ бы изумленъ еще болѣе, если бы слышалъ разговоръ, происшедшій между этими лицами въ лавкѣ. Войдя въ лавку молодая женщина, которой сопровождалъ ее мужчина отворилъ дверь, спросила:

— Это маленькое бюро, которое я вижу здѣсь на выставкѣ нѣсколько дней, новое или досталось вамъ по случаю?

— Оно новое, сударыня. Вы, вѣроятно, изволите говорить объ этомъ бюро-шифоньеркѣ?

Мужчина, сопровождавшій даму, замѣтилъ, что не дурно бы открыть бюро и посмотрѣть, каково оно внутри.

— Не надо, сказала женщина.

— По моему, лучше открыть, отвѣчалъ ей спутникъ;—тогда вы увидите такое-ли оно, какое вы желали имѣть.

— О, я уже достаточно посмотрѣлась на него. А сколько оно стоитъ?

— Восемьсотъ франковъ.

— О! вскричала молодая женщина.—Это слишкомъ дорогой капризъ.

— Развѣ можетъ быть что-нибудь слишкомъ дорогимъ для тебя, мой другъ?

— Вы для меня способны на всякое безуміе. Какъ я жалѣю, что привезла васъ сюда.

— Пошлите это бюро если возможно сейчасъ же, сказалъ молодой человѣкъ кущу.

— О, это не трудно; позвольте только вашъ адресъ.

— Получите деньги и пошлите бюро по слѣдующему адресу: «Графиня Изѣ Сегинья-Зинтской, на бульварѣ Шальо».

И молодой человѣкъ передалъ кущу билетъ въ тысячу франковъ, съ котораго тотъ далъ сдачи двѣсти франковъ.

— Нельзя-ли поставить бюро на козлы къ нашему кучеру? спросила молодая женщина.

— Зачѣмъ, сударыня; кучеръ, пожалуй, уронитъ его. У меня есть надежный человѣкъ, который доставитъ вамъ его немедленно. Я пошлю его вслѣдъ за вами.

— Буду надѣяться, что вы незамедлите это сдѣлать.

— Будьте покойны, постараюсь исполнить все, какъ слѣдуетъ.

Карета скрылась из виду, но Гюре продолжал оставаться в своей засаде; вскорѣ подошел комиссіонеръ съ ручной телѣжкой; на нее поставили бюро; она тронулась и за нею пошелъ прикащикъ магазина.

«Посмотрю, куда онъ повезетъ бюро», подумалъ агентъ и, въ свою очередь, пошелъ вслѣдъ за телѣжкой.

Черезъ полчаса прикащикъ и комиссіонеръ внесли бюро въ подъѣздъ очень красиваго дома на бульварѣ Шальо.

Когда они вернулись и комиссіонеръ повезъ свою пустую тележку, Гюре подошелъ къ нему и спросилъ:

— Вы вышли изъ этого небольшого, красиваго дома, если я не ошибаюсь?

— Да.

— Я ищу тутъ одинъ домъ и не могу найти его... домъ, принадлежащій нѣкому Гюре...

— Гюре... Не знаю. Я очень рѣдко бываю въ этой сторонѣ.

— Но мнѣ кажется, что именно этотъ домъ принадлежитъ или принадлежалъ Гюре.

— О, пѣтъ, этотъ домъ принадлежитъ дамѣ, но съ нею живетъ и мужчина.

— А, домъ принадлежитъ дамѣ!

— Да, графиня Изѣ Сеглинь-Зинтской.

— Гм! прощайте агентъ.

— Что вы сказали?

— Ничего... благодарю васъ, пойду искать домъ Гюре.

И, быстро удалившись отъ комиссіонера и нервно сжимая свои пальцы, агентъ проговорилъ вслухъ:

— Ясно, я попалъ на настоящій слѣдъ. А! Изъ изволить покупать мебель, которую сама же продала. Почему же она не оставила ее у себя? Сперва, вѣроятно, позабыла, а потомъ вспомнила, что тамъ хранится компрометирующая ее переписка. Да, много ничего не придумаешь. Медлить нечего. Завтра же утромъ схожу къ Вершемону; надо произвести дополнительное дознание: зачѣмъ Гударъ ходилъ тогда къ Изѣ? Надо получить разрѣшеніе сдѣлать обыскъ въ этомъ бюро.

Тутъ Гюре вспомнилъ, что онъ ничего не ѣлъ цѣлый день и отправился обѣдать.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

«Наша-то уродина» Онъ занималъ мѣсто лакея, она — мѣсто горничной. Ни онъ, ни она не были деревенскими простофилями и обломами; они были отшлифованы цивилизаціею столичныхъ переднихъ: онъ зналъ всѣ прелести сидѣнья въ портерныхъ, игры на бильярдѣ въ трактирахъ и вечеринокъ съ игрою въ стуколку и танцами гдѣ-нибудь у содержательницы прачешной или у знакомаго кухмистра; она не только бывала въ галереѣ въ театрѣ, но даже танцевала въ нѣмецкомъ клубѣ, гдѣ кавалеры угощали ее пивомъ и потомъ за это угощеніе пользовались правомъ

«проводить» ее. Онъ не пропускалъ ни одной дѣвочки, не щипнувъ или не толкнувъ ее подъ бокъ локтемъ, за что иногда его «смазывали», а иногда приглашали «притти опосля»; она въ свою очередь не пропускалась ни молодыми, ни старыми холостыми господами и слугами безъ того, чтобы ее не задѣли, такъ какъ у нея была ужъ такая фizioномія, созданная для задѣванія со стороны холостежи. И у него, и у нея въ прошломъ было много водевилей, когда они встрѣтились, очутившись на мѣстахъ у однихъ и тѣхъ же господъ; сначала онъ заигрывалъ съ нею, потомъ дѣло стало серьезнѣе; они стали поговаривать о законномъ бракѣ, о снятіи прачешнаго заведенія, объ открытіи кухмистерской; обсуждая свои планы, они всегда кончали однимъ и тѣмъ же: руганью своихъ господъ. Они отлично знали этихъ людей пменно съ той стороны, съ которой

нарядились въ пухъ и въ прахъ, да и форсать! говорила она.

Онъ хототалъ отъ ея замѣчаній. Наконецъ дѣло дошло до портрета хозяйки.

— А наша-то, наша-то уродина! Хороша? указала горничная пальцемъ на портретъ госпожи съ злымъ лицомъ. Лакей хототалъ во все горло. Ни онъ, ни она не слышали, какъ отворилась дверь, какъ входилъ кто-то въ комнату, какъ приближалась къ нимъ фигура женщины...

— Барыня! вдругъ съ испугомъ крикнула горничная, захлопывая альбомъ.

— Вонъ отъ меня... оба вонъ! съ истерической злобой крикнула барыня.

— Что-жь, сударыня, воля ваша!.. Мы и сами хотѣли, потому тоже не сладко служить Богъ вѣстъ кому!

— Вонъ!

— Да вы не кричите, не очень-то тоже страшно!

Влюбленная пара быстро скрылась изъ гостиной. Ея участь была рѣшена.

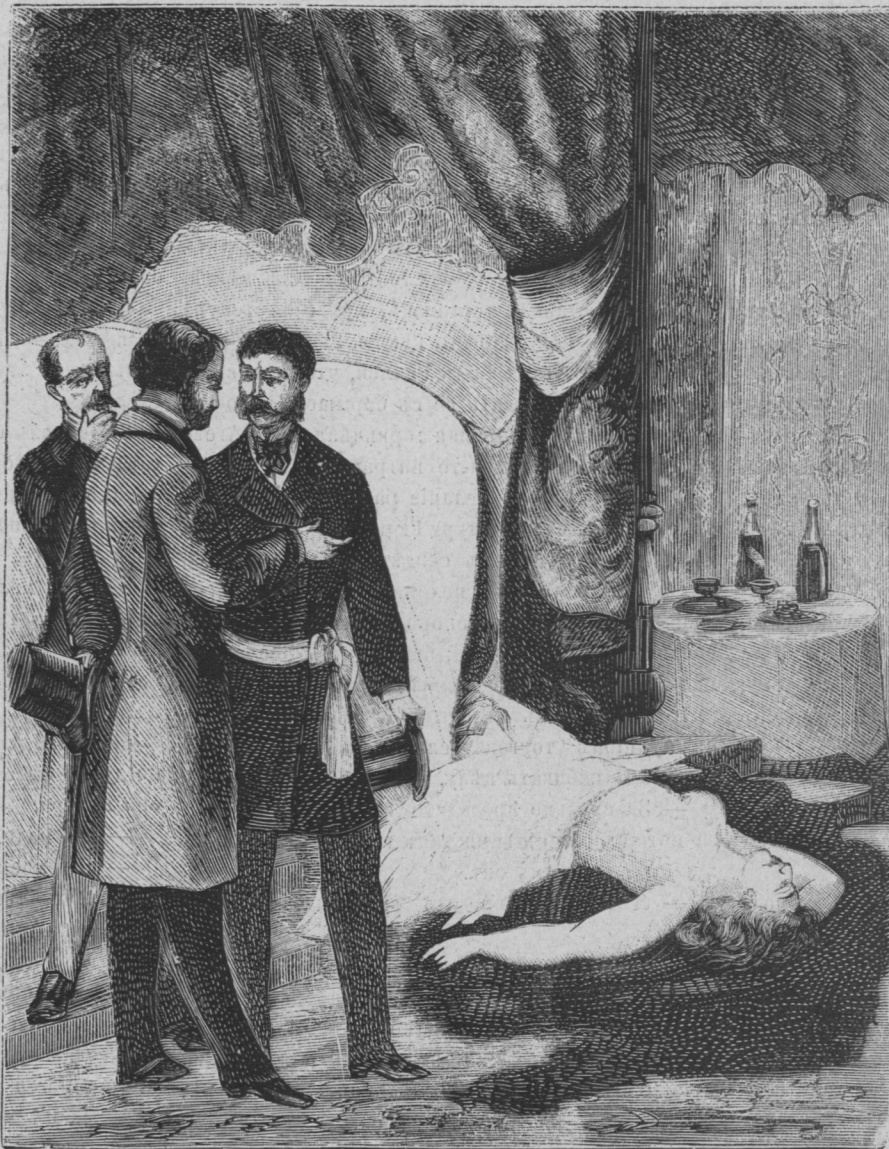
— Ну, значитъ, кухмистерскую открывать? говорилъ онъ.

— А я все-таки думаю, что прачешное заведеніе лучше, говорила она.

Они порѣшили открыть и то, и другое.

Вотъ содержаніе картинки, помѣщенной на 52-й страницѣ въ настоящемъ номерѣ.

Китайскія непромокаемыя пальто. Въ нынѣшнее дождливое дѣло разные дождевые зонтики, резиновыя пальто, ватерпруфы и тому подобныя принадлежности лѣтняго туалета стали предметами положительными и, конечно, обременительными для тѣхъ, у кого не особенно много средствъ на эти лишнія части гардероба. Какъ должны завидовать эти небогатые люди той простотѣ туалета, которою отличаются небогатые китайцы: въ Китаѣ есть и свои дождевые зонтики и свои непромокаемыя пальто, но стоятъ эти предметы гроша, такъ какъ они сработаны просто изъ тростника или изъ соломы, сработаны очень удобно и легко дома. Смотри на эти непромокаемыя пальто, нельзя не согласиться, что они не только практичны и дешевы, но даже и красивы, и франтоваты.

(Къ роману «Иза». Ч. II. Гл. I. См. № 8 Жив. Об.) Докторъ полагалъ, что это самоубійство. *несчастная отъ усталости*

не знали этихъ людей ихъ друзья и знакомые. Они знали сколько у барина любовницъ, сколько у барыни вставныхъ зубовъ, какъ часто баринъ прѣзжаетъ домой пьянымъ, какъ барыня бьетъ по щекамъ барина, сколько у нихъ долговъ, какъ ругаютъ они всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, кто и какія взятки приносятъ барину съ чернаго крыльца и т. п. Эти тайны служили неисчерпаемымъ источникомъ для разговоровъ лакея и горничной и влюбленная пара давно бы оставила своихъ ненавистныхъ господъ, если бы ей не хотѣлось скопить еще денегъ хоть на одинъ «билетъ». Въ одинъ прекрасный день они сошлись по обыкновенію вмѣстѣ во время уборанья-комнаты и занялись обычною бесѣдою. Она стирала пыль съ альбомовъ и, раскрывъ одинъ изъ нихъ, пересматривала портреты господскихъ друзей, критикуя каждого изъ нихъ:

— Хороши гуси! И ужъ рожи-же, а туда же

Нападеніе враговъ. Читатели наши, конечно, помнятъ помѣщенный нами рисунокъ «Погибшій товарищъ» — прелестную сцену въ лѣсу, въ лунную ночь. Тамъ одинъ звѣрь воетъ надъ трупомъ своего падшаго собрата, оплакиваетъ погибшаго. Какъ бы въ падающъ къ этой сценѣ является рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ номерѣ нашего журнала. Здѣсь несчастный звѣрь спасается отъ нападенія стаи волковъ; онъ и они несутся по холмамъ и утесамъ, поросшимъ лѣсомъ, не разбирая ни преградъ, ни опасностей. Сцепка схвачена бойко и живо.

Амуръ и Психея. Вы, конечно, знаете легенду или мифъ о любви Амура и Психеи. Художникъ Эттъ изобразилъ эту влюбленную пару въ видѣ двухъ прелестныхъ малютокъ, изъ которыхъ одинъ, Амуръ, украшаетъ свою подругу жизни, Психею. Милыя дѣтскія лица, граціозныя фигурки, изящество отдѣлки, вотъ достоинства картинки Этта.

СМѢСЬ.

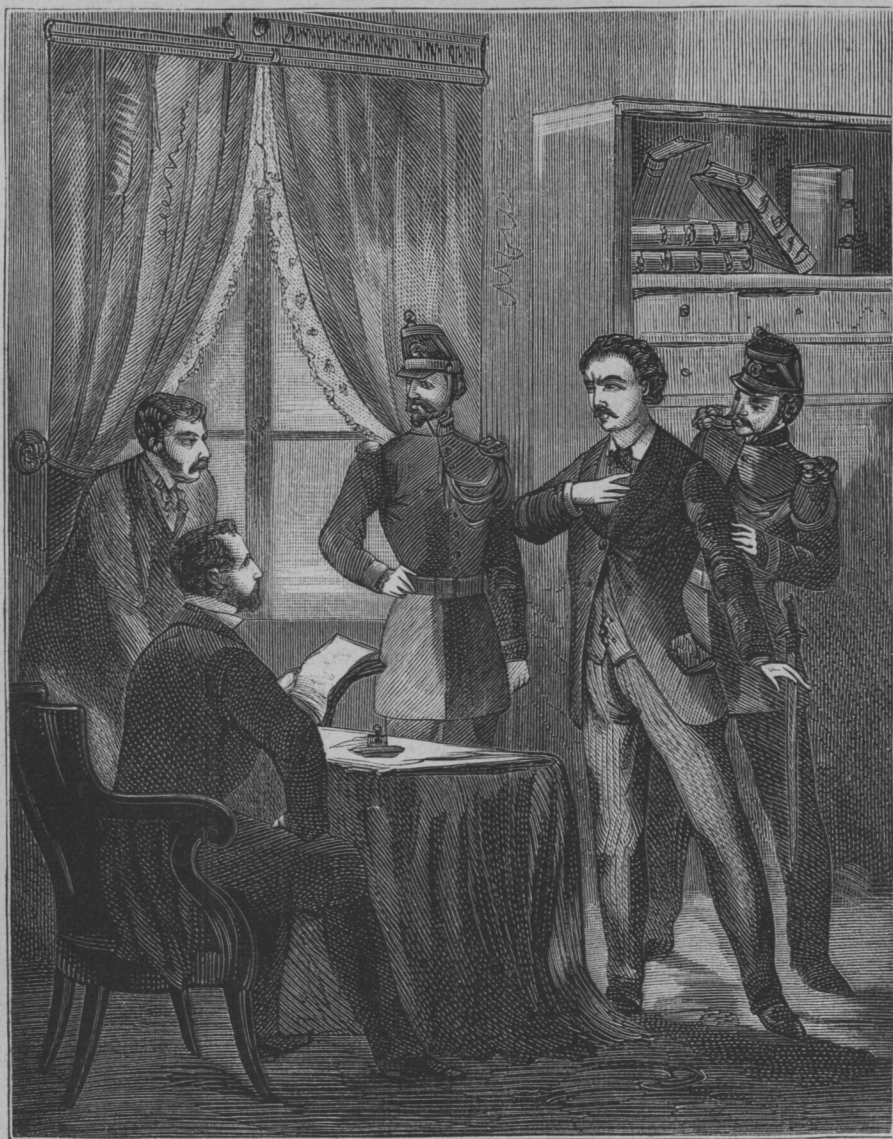
— Героиня (Разсказъ Ж. Мальера). Она была очень несчастна. Дочь богатыхъ родителей, она очень рано осталась сиротою и въ 16 лѣтъ сдѣлалась обладательницей довольно большого состоянія. Она была красива, умна, энергична, увлекалась всѣмъ прекраснымъ. Ея опекунъ предлагалъ ей нѣсколько выгодныхъ партій, но она питала ненависть къ браку по расчету, который казался ей безчестнымъ; она хотѣла любить и быть любимой, а полюбить она могла только человѣка своего закала, т. е. умнаго, честнаго, откровеннаго, добраго. Ей было только 17 лѣтъ, когда съ нею познакомился одинъ аферистъ, человѣкъ безъ сердца, но очень ловкій. Онъ былъ недуренъ собой, большой говорунъ и достаточно искусился въ искусствѣ играть въ любовь. Онъ былъ бѣденъ и говорилъ объ этомъ не краснѣя. Онъ говорилъ съ нею про свое несчастливое дѣтство, про свою молодость, полную разочарованій и страданій, тщательно скрытыхъ и благородно перенесенныхъ; онъ передавалъ ей о своихъ прошлыхъ мечтахъ. Онъ все искалъ и не могъ найти душу, которая бы поняла его. Онъ ни о чемъ не просилъ, ни на что не надѣялся... Однимъ словомъ, это былъ благородный молодой человѣкъ, очень несчастный, но не потерявшій бодрости духа; онъ зналъ, что впереди еще много будетъ испытаній, но онъ надѣялся на свои силы. Онъ искалъ лишь немного симпатіи, взаимнаго того глубокаго чувства, которое онъ могъ бы дать. Бѣдная дѣвочка приняла все за чистую монету, влюбилась въ него и, въ одинъ прекрасный день, несмотря на увѣщанія окружающихъ, вышла за него замужъ. Нетрудно угадать послѣдствія этого брака. Медовый мѣсяцъ продолжался 3 недѣли; на 4-ю супругъ повелъ свою прежнюю, безшабашную жизнь: началъ кутить, играть, мѣнять любовницъ и, не стѣняясь, растрчивалъ приданое жены. Много страданій выпало на долю несчастной молодой женщины въ первые 3 года ея брачной жизни! Она была слишкомъ неопытна, чтобы могла бороться противъ своего мужа, да къ тому же она все еще любила его и, вмѣсто того, чтобы осуждать его, только страдала, — страдала такъ, какъ страдаетъ женщина, когда оскорбляютъ ее въ ея лучшихъ стремленіяхъ, когда она видитъ, что рушатся всѣ ея надежды, все ея будущее. Она не жаловалась. Да и кому же бы она могла жаловаться! Родные отказались отъ нея, друзей у нея не было. Но, наконецъ, любовь угасла въ ея ожесточившемся сердцѣ. Она заявила мужу, что рѣшилась уйти отъ него. «Когда вамъ будетъ угодно, отвѣчалъ онъ; — я самъ хотѣлъ предложить вамъ тоже самое; мнѣ надоѣла эта жизнь, я не созданъ для нея, прощайте». И у него не нашлось ни одного слова участія для женщины, которую онъ нравственно убилъ. Вечеромъ, онъ уѣхалъ съ какой-то кокеткой. Что же касается г-жи X., она розыскала кредиторовъ своего мужа, а ихъ было не мало, и заплатила всѣ его, даже карточные, долги. Эти платежи разорили ее; у нея осталось изъ ея приданаго (160,000 фр.) всего 3,000 франковъ. Какъ она жила потомъ, никто не зналъ; встрѣчали ее блѣдную, грустную; бѣдно, но всегда чисто одѣтою. Она была несчастна, но не жаловалась; нѣкоторые изъ ея знакомыхъ (къ числу которыхъ принадлежу и я), знавшихъ ее

счастливою, пытались узнать, какъ она живетъ, но многого не узнали. Она занималась шитьемъ — трудъ плохо вознаграждаемый. Зимой иногда видали, какъ она въ сумеркахъ выходила изъ какого-нибудь дешеваго ресторана, и всегда одинокая и грустная. Я видѣлъ, какъ, однажды вечеромъ, она зашла къ булочнику, купила хлѣбецъ и спрятала его подъ шаль. Плохи, должно быть, были ея средства въ тѣ дни. Она прошла мимо и не узнала меня. Я не смѣлъ къ ней подойти. Съ этого времени, въ кружкѣ знавшихъ ее людей, ее стали называть «бѣдная г-жа X.». Когда же говорили объ ея мужѣ... ну, о немъ отзывались не такъ. Въ началѣ зимы 1869 года, она исчезла. Сначала о ней безпокоились, поговорили, потомъ забыли. Въ Парижѣ некогда долго думать о тѣхъ, кого тамъ нѣтъ. Что стало съ нею? уѣхала-ли она? вернулась-ли въ свою семью? или, можетъ быть, умерла? Никто ничего не зналъ. Развязка ея исторіи очень меня удивила. Вотъ что случилось. Въ сентябрѣ 1870 года, г-жа X. была

голодъ, ни на холодъ. Онъ былъ гордостью своего батальона. Во время битвы при Шатодепѣ, мальчугану пулей опарало ногу. Онъ перевязалъ рану платкомъ и, немного всхлипывая, продолжалъ драться. При Орлеанѣ осколкомъ гранаты ему ранило лѣвую руку — обливаясь слезами, онъ продолжалъ драться. При Море-Сент-Илерѣ пуля ранила его въ плечо — онъ упалъ, съ нимъ сдѣлался обморокъ. Его подняли и свезли въ госпиталь. Когда къ мальчугану вернулось сознание, онъ ни за что не хотѣлъ позволить дотронуться до себя. Онъ заливался слезами, умоляя оставить его въ покоѣ, говоря, что это пройдетъ и такъ. Этотъ мальчишья-герой былъ и смѣшенъ, и жалокъ. Несмотря на его просьбы, его начали раздѣвать, чтобы перевязать рану... вдругъ хирургъ вскрикнулъ: «Эта женщина!» Это была г-жа X. Она не умерла; ея рана не была опасна, и она скоро поправилась, но ей не позволили вернуться въ полкъ. Когда генералъ Шанзи узналъ объ этомъ происшествіи, онъ пригласилъ эту женщину-героиню къ себѣ, очень любезно принялъ ее, далъ ей орденъ и выхлопоталъ ей табачный магазинъ, какетъ, въ Турѣ или въ Блуа, въ которомъ она торгуетъ и до сихъ поръ. Конечно, она несчастна, ея жизнь разбита, но, по крайней мѣрѣ, она устроилась теперь, насколько это возможно, покойно... Ея мужъ недавно былъ въ Монако, гдѣ велъ большую игру... Откуда у него только берутся деньги!

— Е. Е. Крамида. «Русскія вѣдомости» сообщаютъ, что 20 іюня, послѣ продолжительной болѣзни, скончалась въ Москвѣ Елизавета Евграфовна Крамида. «Она пользовалась извѣстностью не въ одной Москвѣ, но и въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ работы ея обращали на себя общее вниманіе. Ея акварели, скульптурныя издѣлія отличались изяществомъ и вкусомъ. Въ послѣднее время она начала дѣлать искусственные цвѣты. Ея произведенія, сохраняющіяся въ политехническомъ музеѣ, въ Строгоновскомъ училищѣ, въ сельскохозяйственномъ музеѣ министерства государственныхъ имуществъ въ Петербургѣ и въ другихъ учрежденіяхъ, представляютъ точную, живую копію настоящихъ растений, со всѣми ихъ ботаническими особенностями. Ученныя общества и любители достойно оцѣнили труды ея и награждали ее почетными золотыми и серебряными медалями и лестными отзывами. Ея высочество государыня цесаревна, года два назадъ, наградила Е. Е. Крамиду цѣннымъ подаркомъ — золотой брошью, въ знакъ признательности за усовершенствованіе въ Россіи изготовленія искусственныхъ цвѣтовъ. Е. Е. Крамида придумала, сверхъ того, новые способы окрашиванія листьевъ, которое придаетъ имъ живой, естественный видъ. Она успѣла даже написать цѣлое руководство по этому предмету. Трудъ этотъ остался въ рукописи и особенно цѣненъ тѣмъ, что въ немъ описаны новые способы «оживленія» искусственныхъ растений, придуманные Е. Е. Крамидою».

— Крупное пожертвованіе. Газетѣ «Голосъ» сообщаютъ, что, умершій недавно въ Варшавѣ, одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ Привислинскаго края, нѣкто Конарскій, почти все свое состояніе, около 175,000 р., въ процентныхъ бумагахъ, недвижимомъ имуществѣ и наличныхъ деньгахъ, завѣщалъ на народное образованіе и, преимущественно, на устрой-

(Къ роману «Иза». Ч. II. Гл. IV. См. № 12 Жив. Об.). — Я убійца!

въ Турѣ; зачѣмъ она туда попала — не знаю. Война была въ полномъ разгарѣ, Парижъ въ осадѣ, Шанзи организовалъ лоарскую армію. Въ одинъ изъ батальоновъ этой арміи поступилъ молоденькій солдатикъ, съ красивымъ женоподобнымъ лицомъ, стройный, замѣчательно энергичный и храбрый. Товарищи прозвали его «маленькій парижанинъ». Юноша дрался какъ левъ; онъ участвовалъ во многихъ схваткахъ и во всѣхъ отличился; только въ немъ замѣтили одну странность: наканунѣ каждой битвы съ мальчуганомъ дѣлался нервный припадокъ, кончавшійся обильными слезами. Надъ нимъ смѣялись. «Солдатъ, а плачетъ! говорили ветераны, пожимая плечами; — и тебѣ не стыдно?» И онъ, плача, отвѣчалъ имъ: — «Не обращайтесь вниманія, я не могу удержаться, это все нервы, нервы!» И на другой день, несмотря на то, что у мальчугана нервы были слабы, какъ у женщины, онъ дрался лучше другихъ, былъ всегда впереди и никогда не жаловался ни на

ство и основаніе лучшей, образцовой ремесленной школы по ближайшему усмотрѣнію и распоряженію членовъ варшавскаго ремесленнаго комитета. Комитетъ этотъ, по соглашенію съ инспекторомъ училищъ Варшавы, выработалъ слѣдующій проектъ устройства на пожертвованныя деньги ремесленной школы: школа эта будетъ состоять изъ четырехъ классовъ—двухъ приготовительныхъ и двухъ добавочныхъ специальныхъ. Число учениковъ въ каждомъ классѣ не должно превышать 60-ти; обученіе въ школѣ для всѣхъ учениковъ бесплатное.

— **Мѣсяцъ пожаровъ.** Въ іюлѣ нынѣшняго года въ Россіи было 3,501 пожаръ, которые причинили убытку на 12.064,982 р. Въ томъ числѣ отъ поджоговъ произошло 508 пожаровъ; отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ 930, а 1,753 отъ неизвѣстныхъ причинъ. Наибольше пострадали губерніи с.-петербургская (убытку 2.024,13 р.), уральская область (1.572,836 р.), оренбургская (924,078 р.), московская (876,237 руб.), самарская (753,963 руб.), саратовская (577,031 р.), курская (377,187 р.), пензенская (330,702 р.), орловская (301,770 р.), симбирская (296,544 р.), тамбовская (295,590 р.), астраханская (257,146 р.) гродненская (243,635 р.), воронежская (233,596 р.), казанская (220,740 руб.), волынская (184,550 руб.), владимирская (130,488 руб.), минская (153,748 руб.), рязанская (164,077 р.), тульская (117,155 р.), тверская (115,612 р.), варшавская (114,481 р.), полтавская (106,760 р.), уфимская (103,682 р.), подольская (103,388 р.), кievская (102,594 р.); остальные губерніи — менше 100 тысячъ рублей каждая.

— **Феноменальная полнота.** «Саратовскій Листокъ» говоритъ, что въ Саратовѣ показывается весьма рѣдкій феноменъ природы, крестьянская дѣвочка 10 лѣтъ, уроженка тульской губерніи, кашинскаго уѣзда, села Большихъ Гродней. Полнота этой малютки поразительная, феноменальная. Вѣсъ ея, какъ посягаютъ афиши, 10 пудовъ 18 фунтовъ. При ней находится родная мать. Эксплуатируетъ же эту необыкновенную толстоту какой-то еврей, уплачивая за это матери 70 рублей въ мѣсяцъ.

— **Ива** (по Бурггарду, ст. Н. Н. Вакуловскаго). Кому не извѣстна ива (*Salix L.*). Между тѣмъ изученіе ивъ принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ задачъ ботаники, по обилію видовъ ивъ, частой перемѣнчивости ихъ формы и частому образованію помѣсей между отдѣльными видами. Одинъ изъ новѣйшихъ ботаниковъ, занимавшихся систематизированіемъ ивъ, Андерсонъ принимаетъ 160 видовъ ивъ и подчиняетъ имъ безчисленное множество видоизмѣненій и помѣсей, которымъ другіе ботаники придавали самостоятельныя видовыя названія. Различныя виды ивъ встрѣчаются по всему земному шару, отъ полярныхъ странъ до экватора, за исключеніемъ развѣ Австраліи и острововъ Тихаго океана. Величина ивъ весьма различна, отъ мелкаго кустарника до очень высокаго дерева; мелкіе виды ивъ, встрѣчающіеся въ полярныхъ странахъ и на глетчерахъ, едва заслуживаютъ названія древесныхъ растений. Въ Германіи, не считая видоизмѣненій и помѣсей, растетъ отъ 40 до 45 различныхъ видовъ ивъ; изъ нихъ большая часть встрѣчается на югѣ и въ высокихъ Альпахъ, такъ что на долю сѣверной Германіи остается лишь 12 видовъ. Всего больше ива распространена въ прирѣчныхъ низменностяхъ съ текучею питательною водою, особенно если таковая при высушеніи изъ береговъ, оставляетъ илъ. Ива образуетъ обыкновенно кустарную заросль по низменнымъ берегамъ рѣкъ и ихъ притоковъ. Ивы можно раздѣлить на двѣ группы: культурную, т. е. ивы, разводимыя искусственно, и не культурную. Первые ивы имѣютъ, по своему техническому употребленію, большое хозяйственное значеніе. Больше крупный или мелкій матеріалъ получается смотря по виду ивъ, по роду хозяйства и по способу пользованія. Крупный матеріалъ идетъ на фашины, плетни, рукояти, тычины подъ горохъ и т. п. Больше мелкій матеріалъ на плетеніе тонкихъ корзинокъ, на длинный и тонкій прутьякъ. Культурные виды тре-

буютъ по крайней мѣрѣ свѣжей луговой почвы и рѣдко переходятъ съ прирѣчныхъ низменностей на менше сырыя почвы. Текучая вода, оставляющая на прилегающихъ берегахъ илъ, составляетъ необходимое условіе для успѣшнаго роста культурныхъ породъ. Не проточная, особенно кислая и содержащая въ себѣ желѣзистыя соединенія, вода имъ не годна. Даже для нихъ слишкомъ кисла трясинная почва, въ случаѣ если не устроены очень узкія гряды съ насыпною песчаной почвою. Ростъ ивъ плохъ по берегамъ рѣкъ съ болотною, торфянистою водою; морская соленая вода вредно вліяетъ на ростъ ивъ на побережьяхъ. Ивы растутъ хорошо въ рыхлой, особенно въ сырой песчаной почвѣ, попадаясь и въ песчаныхъ и каменныхъ руслахъ рѣкъ. Культурныя ивы растутъ преимущественно въ защищенныхъ рѣчныхъ долинахъ и, несмотря на свое распространеніе по всему земному шару, растутъ плохо въ болѣе возвышенныхъ положеніяхъ. Бѣлая ива или бѣлотаса—крупное дерево. Листья узкіе, заостренные, ланцетовидные, мелко зазубренные, покрыты въ молодости шелковистыми волосками. Видоизмѣненіе ея—желтая ива, имѣющая желтоватую кору, отличается вязкостью и гнущестію прутьевъ—куда лучше, чѣмъ бѣлая. Помѣсь бѣлотаса съ ломкою ивою или бурая ива имѣетъ бурый цвѣтъ вѣтвей и листья, занимающія средину между листьями бѣлой ивы и листьями ломкой ивы. Ломкая ива иногда крупное дерево. Листья ея шире, чѣмъ у бѣлой, ланцетовидны, заострены, крупнозубренны и голы, съ вогнутыми внутрь зубцами. Хотя она и даетъ много древесной массы, однако ее мало цѣнятъ, вслѣдствіе ея ломкости. Небольшая пятижужная ива имѣетъ широкія, яйцевидныя, заостренныя, мелкозубренныя и голыя листья, черенки, обильныя желѣзками, и 5—10 тычинокъ въ цвѣткѣ. Она цвѣтетъ только въ іюлѣ. Въ техникѣ древесина не пользуется репутаціею. Трехжужная или миндалистная ива также не достигаетъ большихъ размѣровъ. Кора отдѣляется чешуйками, точно кора чинара, листья съ синеваатымъ налетомъ на нижней сторонѣ, схожія съ листомъ миндалянаго дерева. Они съ обѣихъ сторонъ голы, ланцетовидны и зазубрены, въ цвѣткѣ 3 тычинки. Даетъ длинный гнущій прутьякъ и производитъ много матеріала. Тальникъ, разновидность ивы, имѣетъ внутреннюю сторону коры на вѣтвяхъ зеленого цвѣта, длинныя, заостренныя, ланцетовидныя, цѣльнокрайніе, блестящіе листья, покрытыя на нижней сторонѣ бѣлыми шелковистыми волосками. Длинныя, гибкіе и вязкіе прутья близко расположены другъ къ другу. Пурпуровая ива имѣетъ внутреннюю сторону коры на вѣтвяхъ лимонно-желтаго цвѣта и голые, ланцетовидныя, мелкозубренныя, нѣсколько расширяющіеся кверху листья. Цвѣтъ ихъ синеваатосѣрый и они расположены часто супротивно. Пыльнички красныя, затѣмъ чернющіе; тонкій прутьякъ идетъ на корзины. Шелюга или каспійская ива называется перѣдко по темнубурому цвѣту коры у вѣтвей и черною. Листья линейныя, заостренныя, ланцетовидныя, мелкозубренныя, голыя. Младшіе побѣги покрыты сѣрымъ налетомъ, также легко стираемымъ, какъ и у сливы. Это крупная порода, идущая на плетеніе корзинокъ, а главнымъ образомъ на укрѣпленіе летучихъ песковъ и различныхъ почвенныхъ откосовъ, напр., по желѣзнымъ дорогамъ. Корни ея расходятся далеко вширь, но боковой тѣни шелюга не переносятъ. Она разводится обыкновенно посадкою отдѣльныхъ черенковъ въ разрыхленную почву. Она идетъ хорошо и въ земельныхъ бугоркахъ, набросанныхъ на сырой (но не на мокрой) песчаной или торфянистой почвѣ осенью передъ весеннимъ разведеніемъ шелюги. Обыкновенно ее рассаживаютъ на разстояніи одного фута между отдѣльными черенками, иначе побѣги, слишкомъ разстилаются вширь и облѣсеніе является слишкомъ рѣдкимъ. Первичные побѣги срѣзываются въ однолѣтнемъ или двухлѣтнемъ возрастѣ, хотя бы они и не имѣли сбыта, а затѣмъ послѣдующая срѣзка побѣговъ происходитъ черезъ каждыя 4 года. Къ некультурнымъ ивамъ относятся: мелкая ползучая ива, кустарная ушастая ива; лѣсные виды:

ползучая, водяная, отличающаяся своимипепельносѣрыми волосистыми листьями. Мелкая ползучая ива имѣетъ нѣсколько видоизмѣненій и является часто при различныхъ неблагоприятныхъ почвенныхъ условіяхъ, образуя собою часть живого почвеннаго покрова. Она растетъ и на летучихъ сухихъ пескахъ и на сырыхъ, торфянистыхъ почвахъ. Ушастая ива появляется перѣдко на лѣсо-сѣкахъ со свѣжею почвою, а чаще въ сырыхъ лѣсахъ, истощенныхъ непомѣрною рубкою. Водяная попадаетъ чаще всего на трясинныхъ почвахъ, покрытыхъ водою, и на другихъ мокрыхъ почвахъ, имѣетъ малую техническую цѣнность. Козья ива—быстро растущая порода, заглушающая собою другія, болѣе цѣнныя породы, почему при прочисткѣ лѣсо-сѣкъ порубается. Она цѣнится какъ топливо и идетъ на нѣкоторыя подѣлки. Ивы имѣютъ огромное значеніе для гидротехническихъ сооружений. Они служатъ матеріаломъ для устройства фашинокъ, для укрѣпленія береговъ противъ подмывки ихъ, ледохода, напора волнъ. Нѣтъ лучшаго средства для удержанія ила на почвахъ, периодически наводняемыхъ и назначенныхъ подъ пользованіе травой, какъ устройство рвовъ и насыпей, съ разведеніемъ на нихъ ивъ; рвы и густой ивовый кустарникъ хорошо задерживаютъ илъ. По берегамъ соленой морской воды ивы, правда, не растутъ, и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ довольствоваться для удержанія ила однимъ рвомъ. Иву разводятъ на песчаныхъ наносахъ, образующихся въ руслахъ рѣкъ или по берегамъ рѣкъ. Въ руслахъ рѣкъ такіе песчаные наносы представляютъ собою естественныя почвы для разведенія ивъ, но и на береговыхъ песчаныхъ наносахъ съ хорошею почвою, разведеніе ивы можетъ оказаться весьма выгоднымъ, причемъ почва еще можетъ и улучшаться въ своемъ плодородіи наноснымъ иломъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда почвѣ угрожаетъ опасность отъ высокой воды, заносающей такія почвы несомъ, широкая и густая полоса ивъ оказываетъ существенную защиту, задерживая песокъ. На истощенныхъ пашняхъ, на насыпяхъ земли изъ канавъ, проведенныхъ для осушки пашенъ, въ придорожныхъ рвахъ, на лугахъ, по берегамъ рѣкъ и въ оврагахъ оказывается выгоднымъ разведеніе ивъ; гдѣ кустарная ива повреждается пасущимся скотомъ, можно разводить и безвершинный ивовый лѣсъ. Во врачебной практикѣ прежде употреблялся, открытый Леру, глицозинъ-салицинъ, находимый въ различныхъ видахъ ивъ. Прежніе врачи приписывали ему не только противугнѣстное, но также противулихорадочное дѣйствіе. Салицинъ въ прежнее время употреблялся противъ перемежающейся лихорадки, въ дозахъ, въ 4 раза превосходящихъ дозы хинина. Утверждали, что и большіе приемы его не разстраивали пищеварительныхъ органовъ. Клиническіе опыты надъ нимъ, производившіеся въ большемъ числѣ во время господства континентальной системы, когда не было хинина, такъ противорѣчны, что въ настоящее время салицинъ вовсе не употребляется. Фармакопея германская не сохранила ни салицина, ни ивоваго корня (*cortex salicis*). Кора всѣхъ ивъ безъ разбора употребляется у насъ въ огромномъ количествѣ, напр. на выдѣлку юфти. Ива идетъ въ красильномъ дѣлѣ. Вѣтви бѣлой ивы употребляются у насъ при обрядѣ пошенія вербы, въ недѣлю Ваи, названную по этому вербнымъ воскресеньемъ. Вообще ива весьма полезное дерево.

— **Замѣчательныя археологическія открытія.** Изъ Лондона пишутъ, отъ 30 іюня, въ «Кельнскую газету»: Во время послѣднихъ своихъ раскопокъ въ Азін Гермуздъ-Рассамъ сдѣлалъ, между прочимъ, интересное открытіе, что если вѣрить весьма распространенному мнѣнію, по которому вавилонская башня находилась въ Бирс-Нимрудѣ, великолѣпное строеніе это разрушено не молніей и не неприятелискимъ нападениемъ, а сильнымъ землетрясеніемъ, въ связи съ вулканическимъ изверженіемъ. Недостроенныя стѣны, такимъ образомъ, были разрушены. Гермуздъ-Рассамъ въ разныхъ пунктахъ изслѣдовалъ новую, до сихъ поръ не развѣданную почву. Въ Небби-Юнусъ, гдѣ, будто бы погребенъ пророкъ Іона, онъ от-

крыль остатки великолѣпныхъ дворцовъ царей Эдерегедона и Санхеріба. Совершенно ново открытіе имъ дворца Навуходносора на неизслѣдованномъ, до сихъ поръ, холмѣ въ древнемъ Вавилонѣ. Этотъ дворецъ, очевидно, былъ гигантскимъ зданіемъ. Обломки колонъ и башенъ показываютъ и теперь еще драгоценную эмальрованную работу. Бревна сдѣланы изъ индійскаго дерева. Вообще обломки несомнѣнно свидѣлствуютъ о бывшемъ великолѣпнѣи и роскоши.

— **Ископаемый городъ.** Древній Сипунтумъ, упоминаемый Страбонъ и Титомъ Ливіемъ и уничтоженный землетрясеніемъ, открытъ близъ Монъ-Горгано. Найденъ великолѣпный храмъ Діаны, украшенный портикомъ, имѣющимъ не менѣе двадцати метровъ толщины, а также обширная усыпальница. Неаполитанскій музей уже обогатился многими драгоценными выкладами, добытыми при раскопкахъ, предпринятыхъ итальянскимъ правительствомъ.

— **Губитель пчелъ.** Смерть пчелъ приписывали долгое время дѣйствию растительныхъ ядовъ, но это невѣрно ужъ потому, что пчела извлекаетъ изъ ядовитой азалии ядовитый нектаръ, и отравляетъ имъ свои соты, а между тѣмъ, остается въ живыхъ. Дюшмэнъ прослѣдилъ недавно, что къ пчеламъ присасывается микроскопическій червячекъ (асарцъ), который въдрывается въ ея тѣлце, и причиняетъ смерть. Червячокъ этотъ водится также на обыкновенномъ подсолнечникѣ (*Helianthus annuus*) и очень возможно, что онъ съ этого растенія непосредственно переходитъ на пчелъ, извлекая ихъ изъ него соки.

— **Еще новый врагъ полей.** Въ «Новороссійскій Телеграфъ» пишутъ изъ одесскаго уѣзда объ истребленіи льна червячкомъ особаго рода: «Червячокъ этотъ имѣетъ около $\frac{1}{2}$ вершка въ длину. Онъ зеленовато-желтаго цвѣта, вдоль всей спины тянутся сѣрыя полосы; онъ обладаетъ четырьмя парами ногъ и четырьмя парами щупальцевъ, расположенныхъ въ задней половинѣ туловища. Сверхъ того, имѣетъ онъ у хвоста, который заканчивается узкимъ хоботкомъ, еще одну пару щупальцевъ, при помощи которыхъ онъ крѣпко присасывается къ стеблю растенія. Онъ весьма искусно разбиваетъ чашечку льна и выдѣлываетъ до чиста всю внутренность, оставляя одну шелуху. Сѣвши одну чашечку, онъ переходитъ къ другой и т. д. до тѣхъ поръ, пока весь кустъ не бываетъ совершенно очищенъ. Червячекъ этотъ появился весьма недавно и прежде о немъ крестьяне ничего не слышали: крестьяне села Ивановки, которые успѣли собрать лёнъ раньше появленія этого новаго бича, говорятъ, что въ ихъ деревнѣ онъ набросился на такъ-называемые калачики и, уничтоживши ихъ все до тла, огромною вереницею проползъ по улицамъ деревни и скрылся по направленію къ сѣверозападу. Противъ этого червячка не помогутъ никакія жучковки, такъ какъ онъ весьма крѣпко присасывается къ растенію и его можно оторвать только вмѣстѣ съ вѣткою растенія, на которой онъ расположился».

— **Гнѣздо въ вагонѣ.** Въ вѣнской «Eisenbahn Zeitung» пишутъ: «Служащіе при мѣстномъ поѣздѣ, ежедневно ходящемъ между Вѣною и Штокерау, на австрійской сѣверо-западной рельсовой линіи подмѣтили фактъ, заслуживающій въ высшей степени вниманія орнитологовъ. Всякій разъ, когда поѣздъ прѣзжаетъ въ Штокерау, его встрѣчаютъ съ радостнымъ щебетаніемъ пара ласточекъ, и, какъ скоро открывается багажный вагонъ подъ № 185, пернатая парочка влетаетъ туда и усердно принимается за работу надъ начатымъ гнѣздомъ. Какъ скоро наступаетъ время отбытія поѣзда въ Вѣну, ласточки добровольно вылетаютъ изъ вагона, и успѣвши на ближнемъ карнизѣ, съ нетерпѣніемъ ждутъ его возвращенія. Такъ продолжается уже нѣсколько дней и въ настоящее время гнѣздо почти готово. Служащіе и все, кто знаетъ объ этомъ любопытномъ фактѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, каковъ будетъ исходъ этого въ высшей степени интереснаго эпизода изъ жизни пернатыхъ».

— **Повальное сумасшествіе.** Въ Италіи въ Верзегнисѣ, около Удины, произошелъ замѣчательный случай повальнаго заболѣванія разстрой-

ствомъ умственныхъ способностей. Двадцать дѣвушекъ и женщинъ отъ 12 до 45 лѣтъ сошли съ ума вслѣдствіе проповѣди одного іезуита, внушившаго имъ непреодолимую боязнь чорта. Нѣсколько часовъ каждый сутки больные или такъ называемые «одержимые» проводятъ спокойно, но по временамъ они совершаютъ самые странные эксцентрическіе поступки: они поютъ по лѣтушину, мячуютъ, лаютъ, рычатъ, хохочутъ, кланутся и кричатъ преимущественно противъ священниковъ, которые не могутъ освободить ихъ отъ демоновъ-мучителей. Порой они предаются самымъ безстыднымъ жестамъ и тѣлодвиженіямъ, хотя въ здоровомъ состояніи все онѣ отличались образцовой скромностью и правдивностью. Случай этотъ напоминаетъ тѣ происшествія, которыя не разъ подавали поводъ, въ прежнія времена, къ уголовнымъ процессамъ, какъ напр., процессы Лудунскихъ монахинь и Урбана Грандье; но въ нашъ научный вѣкъ этотъ странный фактъ даетъ только интересный случай для психіатрическихъ изслѣдованій. Два итальянскихъ доктора Францоліни и Чіанъ уже отправились для этой цѣли на мѣсто происшествія.

— **Покушеніе на убійство.** На сценѣ театра въ Чикаго шла трагедія Шекспира «Ричардъ II», и актеръ Бутъ только что началъ извѣстный монологъ послѣдняго дѣйствія, во время котораго онъ освѣщенъ электрическимъ свѣтомъ, какъ вдругъ съ высоты первой галереи раздался шестолетний выстрѣлъ, не вызвавшій, однако, особеннаго волненія, такъ какъ сначала думали, что это не болѣе какъ случай. Бутъ самъ даже почти не прервалъ своего монолога и окончилъ начатую имъ фразу. Но вдругъ раздались еще выстрѣлы, и актеръ, не подозревая, что онъ самъ служитъ предметомъ и цѣлью преступнаго покушенія, но инстинктивно сознавая, что кому-то угрожаетъ опасность, подошелъ къ рампѣ и, указывая на мѣсто, откуда раздались выстрѣлы, вскричалъ: «Тамъ, тамъ, онъ находится!» Въ тоже время публика массами встала и со всѣхъ сторонъ раздались возгласы: «Не выпускайте его! Повѣсьте его! Бросьте его черезъ окно!» Человѣкъ, производившаго выстрѣлы, схватили и отправили въ полицію, гдѣ онъ сознался, что выстрѣлы были направлены противъ Бута, котораго онъ имѣлъ намѣреніе убить. Убійца — молодой человѣкъ, весьма красивой наружности, съ весьма симпатичнымъ и длиннымъ лицомъ, по имени Маркъ Грей; онъ служилъ приказчикомъ въ модномъ магазинѣ въ Сан-Луи. Это человѣкъ вовсе не экзальтированный или сумасшедшій, напротивъ, — очень спокойный и хладнокровный; онъ говоритъ о своемъ преступленіи просто, какъ о вещи самой обыденной, и заявляетъ о своей твердой рѣшимости повторить свое покушеніе, какъ только онъ будетъ имѣть возможность. Онъ усорно отказывается объяснить причину своей ненависти къ Буту, но говоритъ, что на судъ онъ объяснитъ все и что тогда все поймутъ и оправдаютъ его. Все, что можно было узнать отъ него, заключается въ томъ, что три года тому назадъ Бутъ нанесъ тяжелое оскорбленіе кому-то изъ его (Грея) знакомыхъ — женщина-ли эта или мужчина — неизвѣстно; вслѣдствіе того Грей рѣшился отомстить актеру.

— **О шампанскомъ.** Въ одномъ изъ предыдущихъ нумеровъ «Жив. Об.» мы привели нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, какія услуги оказало гастрономіи католическое духовенство. Оказывается, что ему же мы обязаны изобрѣтеніемъ шампанскаго или вѣрнѣе «ан». Изобрѣлъ его, причисленный впоследствии къ лику святыхъ, монахъ Ремигій, усердно занимавшійся винодѣліемъ. Первоначально «ан» было красное и не пѣнистое. Пѣнистымъ шампанское сдѣлалось только въ 1714 году, т. е. въ послѣдній годъ царствованія Людовика XIV. Этими мы обязаны эконому бенедиктинскаго монастыря въ Говилье, отцу Периньону изъ Сеп-Менеуль. Средство дѣлать шампанское пѣнистымъ долго оставалось секретомъ, что доставило благочестивымъ бенедиктинцамъ не мало презрительнаго метала. Между тѣмъ ларчикъ просто открывался. Онъ становится пѣнистымъ, коль скоро приступаютъ къ разливу его въ бутылки тотчасъ же послѣ жатвы. Въ 1797

году въ продажѣ находились уже и пользовались громадною репутаціею три рода пѣнистаго шампанскаго: Flacon pétillant, Flacon mousseux и Flacon Saute-bouchon. Вольтеръ очень любилъ Saute-bouchon. Въ нынѣшнемъ же столѣтіи наибольшей репутаціи достигло, какъ извѣстно, шампанское «вдовы Клико». Теперь же въ славѣ шампанское нѣсколькихъ новыхъ марокъ.

— **Дѣло о глухомъ тетеревѣ.** Въ іюльской книжкѣ журнала «Русская Старина» напечатано «Дѣло о глухомъ тетеревѣ». Оно состоитъ въ томъ, что одинъ крестьянинъ презентовалъ графу Льву Сологубу убитаго имъ тетерева, котораго графъ принялъ и велѣлъ положить въ погребъ, а крестьянину выдать за усердіе полтинникъ. Черезъ нѣсколько дней графъ велѣлъ тетерева зажарить, но онъ оказался подгнившимъ и извѣденнымъ мышами. По поводу этого тетерева въ управленіи домомъ графа Л. Сологуба шла переписка, изъ которой 11 номеровъ напечатано въ «Русской Старинѣ». Вотъ образцы этой канцелярскаго работы.

Управленіе дома его сіятельства графа Льва Ивановича Сологуба.

Отдѣленіе хозяйственное. Его высокографскому
Столъ IV. сіятельству, графу Льву
19 іюня 1825 года. Ивановичу Всепопдан-
№ 3751. нѣе донесеніе.
О глухомъ тетеревѣ. нѣе донесеніе.

Сего числа крестьянинъ вашего сіятельства Трифонъ Абрамовъ, изъ давнихъ лѣтъ занимающійся птичею охотою, принесъ въ даръ для стола вашего сіятельства глухаго тетерева, имъ застрѣннаго: хозяйственное отдѣленіе, имѣя счастье донести о семъ вашему сіятельству, будетъ ожидать на сей предметъ начальническаго вашего предписанія.

Управляющій управленіемъ: Андріянъ Зиновьевъ.

Правитель отдѣленія: Макарь Сидоровъ.

Резолюція: «Крестьянину Трифону Абрамову за усердіе его выдать выдать полтину; а глухаго тетерева по надлежащему отдать на ледникъ, впредь до моего повелѣнія.

20 іюня. «Графъ Левъ Сологубъ».

12 іюня 1825 года. Изъ отдѣленія хозяй-
№ 3755. ственнаго дома его сія-
О храненіи, предъ до тельства ключникъ Фек-
приказанія его сія- лѣ Варфаломѣеви.

тельства, глухаго тетерева.
Ордеръ.

Вслѣдствіе собственноручной его сіятельства резолюціи на докладѣ сего отдѣленія, въ 20-й день сего іюня воспослѣдовавшей, и по опредѣленію, въ общемъ присутствіи управления дома его сіятельства состоявшемся, имѣешь ты производимаго при семъ глухаго тетерева хранящаго по принадлежности на ледникѣ впредь до особаго приказанія его сіятельства, и въ случаѣ малѣйшаго поврежденія онаго доносить отдѣленію. Въ противномъ случаѣ подвергнешъ себя гнѣву его сіятельства и строжайшему наказанію.

Правитель отдѣленія: Макарь Сидоровъ.

Но несмотря на все эти ордера, съ угрозами, тетеревъ сгнилъ, о чемъ тѣмъ же порядкомъ было донесено графу, который положилъ такую резолюцію:

«Подозрѣваю злоупотребленіе; а потому приказываю чиновнику особыхъ порученій, Игнашкѣ Скорохвату, произвести строжайшее слѣдствіе, общее съ членомъ медицинскаго отдѣленія, цирюльникомъ Гришкою; и что открыто ими будетъ о томъ со всею подробностію мнѣ донести.
29 іюня 1825 г. «Графъ Левъ Сологубъ».

Дѣйствительный-ли это фактъ или шутка, редакція «Русской Старины» не знаетъ, но она получила бумаги отъ А. С. Лашкевича и ручается, что по цвѣту бумаги и водянымъ клеймамъ, по почеркамъ и цвѣту чернилъ — все дѣлопроизводство о глухомъ тетеревѣ несомнѣнно принадлежить къ 1825 году.

— **Изъ жизни одного романиста** (Разсказъ Ж. Мальяра). Не всегда можно позавидовать положенію великаго писателя! Случается иногда, что ему приходится проклинаеть и своей успѣхъ, и свою славу. Конечно, завидная доля быть идоломъ читателей, но есть и обратная сторона, и

одинъ изъ знаменитыхъ французскихъ романистовъ на практикѣ ознакомился съ нею. Фамилія его ... впрочемъ, я не могу ее назвать. Скажу только, что втеченіи 20 лѣтъ онъ написалъ 10 романовъ, доставившихъ ему и извѣстность, и хорошее состояніе; драматическія его произведенія тоже пользуются большимъ успѣхомъ, однимъ словомъ, онъ — одинъ изъ лучшихъ писателей нашего времени. Когда онъ былъ занятъ своимъ послѣднимъ романомъ въ его рабочей кабинетъ, какъ ураганъ, влетѣлъ незнакомый ему господинъ; стуча каблуками, размахивая руками, онъ мимоходомъ извинился, что обезпокоилъ хозяина. Романистъ, застигнутый врасплохъ, волей-неволей долженъ былъ подчиниться этому нашествію. Незнакомецъ сѣлъ и, глубоко вздохнувъ и закативъ глаза къ небу, медленно произнесъ:

— Милостивый государь, я несчастный мужъ.

— Очень жаль, отвѣчалъ романистъ, — по чему я обязанъ, что вы удостоили меня вашимъ признаніемъ, на которое я не имѣлъ права рассчитывать.

Незнакомецъ свирѣпо посмотрѣлъ на него.

— Ошибаетесь, милостивый государь, сказалъ онъ; — вы увидите, что и вы заинтересованы въ моемъ несчастьи. Слушайте до конца.

— Но у меня много работы.

— Очень жаль, но я долженъ вамъ рассказать всю мою исторію.

— Ну, я васъ слушаю, сказалъ романистъ.

— Три года тому назадъ, я женился на молодой, хорошенькой дѣвушкѣ. Бракъ былъ заключенъ при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ и все общало мнѣ невозмутимое счастье. Правда, между мною и моею женою была разница въ лѣтахъ: ей было 18, мнѣ 45; но вы можете сами судить, какъ я еще бодръ и свѣжъ. У меня атлетическое сложеніе, я ежедневно дѣлаю гимнастику, молодость я провелъ скромно; однимъ словомъ, я отлично сохранился... Уже съ первыхъ дней нашего брака я замѣтилъ, что между мной и женою не такъ велика разница въ лѣтахъ, какъ рѣзко несходство характеровъ. Жена до крайности романична, а я матеріалистъ. Мы не могли понимать другъ друга. Она все витала въ облакахъ. Постоянное чтеніе романовъ, наконецъ, обольщеніе, все это привело къ тому, что въ одно утро моя жена исчезла, оставивъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія: «Вы не умѣли меня понять, я уѣзжаю; вы меня никогда не увидите».

Романисты привыкли къ подобнымъ рассказамъ, многіе сообщаютъ имъ свои тайныя муки, свои домашнія несправедливости. Покинутая жена, обманутые мужья воображаютъ, что съ ними случилось какое-то оригинальное несчастье, которое можетъ быть сюжетомъ драмы или романа. Такъ понялъ и нашъ романистъ своего собесѣдника.

— Да, продолжалъ покинутый мужъ послѣ минутнаго раздумья, — моя жена исчезла. Что случилось съ нею?

— Ничего не могу вамъ сказать, отвѣтилъ литераторъ тономъ, полнымъ участія.

— И я также не знаю; но человѣкъ съ моимъ характеромъ не можетъ этого такъ оставить; тутъ затронута моя честь, мнѣ нужно удовлетвореніе; и я пришелъ просить его у васъ.

— У меня?

— У васъ!

— Какъ! вскричалъ ошеломленный романистъ. — Вы меня подозреваете въ похищеніи вашей жены?

— Въ числѣ книгъ, которыя моя жена читала съ пагубнымъ увлеченіемъ, были и ваши сочиненія. Рядомъ съ ея послѣдней запиской лежалъ вашъ романъ; онъ былъ открытъ на сценѣ, полной страсти и увлекательности. Я имѣю право думать, что и вы отчасти виною моего несчастья. Я не могу догнать бѣглецовъ, а потому и обращаюсь къ вамъ.

— Вы съума сошли?

— Нисколько.

— Но обвинять меня въ вашемъ несчастьи, не чистое-ли это безуміе?

— Я нахожу вполне законнымъ это обвиненіе и требую удовлетворенія. Я хочу съ вами драться; выберите оружіе.

Нужно быть романистомъ, драматургомъ, чело-вѣкомъ, привыкшимъ къ самымъ причудливымъ комбинаціямъ, чтобы не растеряться при такомъ странномъ требованіи.

— Милостивый государь, сказалъ литераторъ, — ваше требованіе неумѣно!

Незнакомецъ побагровѣлъ и, быстро вскочивъ, закричалъ:

— Повторяю вамъ, я жажду мести и удовлетворю ее на васъ!

Наконецъ и романистъ потерялъ терпѣніе.

— Чортъ возьми, если вы заговорили такимъ тономъ, хорошо, я буду драться. Присылайте секундантовъ.

— Сегодня же, пробормоталъ незнакомецъ и такъ же шумно вышелъ, какъ и пришелъ.

Секунданты сѣхались для переговоровъ, много было затрудненій, но одинъ противникъ желалъ непременно драться, другой принялъ вызовъ, слѣдовательно дуэль должна была состояться. Условились сѣхаться черезъ день вечеромъ на границѣ Бельгіи. Секунданты разсчитывали на мѣсть уладить дѣло и, подписавъ протоколъ поединка, разошлись до назначеннаго дня.

Въ сущности, романисту очень было не по вкусу это странное приключеніе, но что было дѣлать? Онъ философски взглянулъ на дѣло и сдѣлалъ на случай смерти свои распоряженія. Поѣздъ уходилъ въ 8 часовъ. Въ 7 часовъ романистъ былъ готовъ, въ 7½ за нимъ заѣхали секунданты; они собрались ужъ ѣхать, какъ вдругъ звонокъ, подающій депешу изъ Женевы. Романистъ прочелъ: «Я началъ на ихъ слѣдъ. Но если подлый похититель ускользнетъ отъ меня, я снова явлюсь къ вамъ».

— О, животное! вскричалъ романистъ, заливаясь смѣхомъ, — этотъ рогоносецъ положительно взбѣлся.

— **Нечаянное исцѣленіе.** «Gazette des Hopitaux» разсказываетъ слѣдующій случай: одинъ врачъ, призванный къ больному, находящемуся въ опасномъ фазисѣ холеры, прописалъ ему, не надѣясь на благоприятный исходъ болѣзни, рвотное изъ 9,185 центриграмовъ ипеакауана для приѣма три раза черезъ каждыя полчаса. Сидѣлка, введенная въ заблужденіе выраженіемъ «grises» (приѣмъ, доза), дала больному выплюнуть одну треть порошка ипеакауана, вслѣдствіе этого пациентъ сталъ чихать сильнѣйшимъ образомъ. Послѣдовала реакція, кожа больного оживилась, симптомы опасной болѣзни мало по малу исчезли, и врачъ, пріѣхавъ навѣстить умирающаго, нашелъ его на пути къ выздоровленію.

— **Благодарность.** Нѣкто Браунъ, скончавшійся недавно въ Сен-Луи (въ Америкѣ), отказалъ по духовному завѣщанію господину, похитившему его жену лѣтъ десять тому назадъ, весь свой капиталъ, состоящій изъ 1,000 долларовъ, на томъ основаніи, какъ онъ самъ выразился, «что онъ втеченіи всей своей жизни неизмѣнно держался правила не забывать оказанныхъ ему услугъ».

— **До чего доходитъ конкуренція.** На трехъ желѣзно-дорожныхъ линіяхъ, соединяющихъ Канзасъ съ С.-Луи и Чикаго, плата за проѣздъ (на разстояніи почти 500 верствъ) постепенно спустилась, вслѣдствіе соперничества, съ 16 долларовъ (30 р.) до половины доллара (90 к.). Затѣмъ на одной изъ линій она была понижена до пяти центовъ (нѣсколько менѣе гривенника). Остальныя двѣ линіи тотчасъ-же послѣдовали этому примѣру и, сверхъ того, заявили, что пассажиры могутъ получать бесплатно по кружкѣ пива въ буфетахъ каждой изъ главныхъ станцій ихъ желѣзныхъ дорогъ.

— **Исправленіе носовъ.** Нѣмцы берутся даже и за исправленіе носовъ. Въ отдѣлѣ объявленій одной южно-германской газеты напечатано: «Исправленіе носовъ (Nasencorrectur). Некрасивые, слишкомъ толстые, плоскіе, кривые и тому подобныя носы исправляетъ письменно и придаетъ имъ новую приличную и граціозную форму Ген-

слерь-Маубахъ, директоръ носо-лечебнаго заведенія въ Баденъ-Баденѣ.

— **Китайская стѣна.** Американскій инженеръ, Уиданъ, руководящій въ настоящее время постройкой желѣзной дороги въ Китаѣ, осматривалъ китайскую стѣну и сообщаетъ слѣдующія подробности объ этомъ замѣчательномъ сооруженіи: «Она идетъ на протяженіи ста шестидесяти нѣмецкихъ миль, вышиной она въ восемнадцать, а толщиной въ пятнадцать футовъ. Она сложена изъ простаго камня, но стоитъ на гранитномъ фундаментѣ. Четырехугольныя башни ея, имѣющія отъ двадцати пяти до тридцати футовъ въ вышину и по девяносто шести футовъ въ окружности, возвышаются на разстояніи двухсотъ-трехсотъ шаговъ одна отъ другой. Эти башни соединены парапетами, которые идутъ по обѣимъ сторонамъ стѣны и скрываютъ посаженныя отъ глазъ непріятеля, при переходѣ ихъ изъ одной башни въ другую. Неровность почвы не помѣшала возведенію стѣны: она поднимается на горы, спускается въ долины и часто въ пропасти, глубиной до тысячи футовъ. Черезъ ручьи и небольшія рѣки перекинута мосты, а на берегахъ большихъ рѣкъ построены хорошо укрѣпленныя башни. Эта колоссальная стѣна построена была, приблизительно, за два вѣка до Р. Х., для огражденія страны отъ вторженія татаръ. Невозможно опредѣлить — сколько времени она строилась; но, безъ сомнѣнія, миллионы людей трудились надъ нею».

Отъ Редакціи. Комитетъ по сбору пожертвованій въ пользу бѣдныхъ погорѣльцевъ г. Оренбурга отношеніями отъ 19 іюня за № 982 и 2 іюля за № 1141 увѣдомляя Ред. «Жив. Об.» о полученіи присланныхъ ею и поступившихъ къ ней отъ жертвователей денегъ: въ первый разъ 39 руб., а во второй 9 руб., проситъ выразить искреннюю благодарность жертвователямъ за оказанную ими помощь бѣдствующимъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 28-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 14-го іюля въ 6 часовъ 30 минутъ, на иногородную почту 15-го іюля въ 12 часовъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Въ Новой Гвинее (продолж.). — Стихотвор. «Музыка». — Сонъ Алойуса. — Изобрѣтенія и открытія (оконч.) — Фридрихъ Шопенъ (продолж.). — Народы Россіи (продолж.). — Почему выпадаетъ такъ много дождя въ нынѣшнемъ году. — При осадѣ Никшича (продолж.). — Иза (продолж.). — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Объявленія.

Гравюры: Китайскія непромокаемыя пальто. — 2 рис. къ статьѣ «Сонъ Алойуса». — «Наша-то уродина». — Нападеніе враговъ. — Амуръ и Психея. — 2 рис. къ роману «Иза».

Издатель Н. И. Шульгинъ.

Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

Копія съ картины Леонардо да-Винчи,

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРА.

Эта большая гравюра отпечатана на хорошей плотной бумагѣ. Цѣна безъ пересылки 50 к., съ пересылкою 75 к.

ПРОДАЖА АМУЛЕТОВЪ.

Снимокъ съ картины профессора Генриха Семирадскаго. Цѣна 50 к., съ пересылкой 75 к.

ГРАФИНЯ ПОТОЦКАЯ.

Олеографія. Цѣна 75 коп., съ пересылкою въ папкѣ 1 руб. 25 коп.